*петер*бургский проект

*peters*burg projekt

Медаль в честь основания Петербурга

The medal in honour of the foundation of Petersburg

1 *ре*волюция 1703 года — 9

2 судьбу *петер*бурга решали зодчие и императоры — 37

3 *петер*бург в мире искусства — 67

4 *петер*бург – открытый европейский город — 91

1 *re*volution of 1703 year — 9

2 the fate of *peters*burg was determined by architects and emperors — 37

3 *peters*burg in the world of art — 67

4 *peters*burg as an opened european city — 91

петербу

проект

ургский
petersburg projekt

петербу

проект

ургский
petersburg projekt

Самая, может быть, характерная градостроительная черта в облике Ленинграда – преобладание горизонталей над вертикалями. Горизонтали создают основу, на которой рисуются все остальные линии. Преобладание горизонталей определяется наличием многочисленных водных пространств: Большой Невы, Малой Невы, Большой Невки, Малой Невки, Фонтанки, Мойки, канала Грибоедова, Крюкова канала и так далее. Соприкосновение воды и суши создает идеальные горизонтальные линии, особенно если суша обрамлена плотным строем набережных. Набережные создают вторую линию, может быть, несколько неровную, но столь же решительную. Ленинград подчеркнут как бы двойной линией. При этом следует учесть, что Нева почти всегда (за исключением редких осенних наводнений) стоит в своих берегах на одном уровне, при этом очень высоком.

Над двумя горизонтальными линиями – энергичной и абсолютно правильной линией стыка воды и суши и второй, менее резкой, верха набережных – возвышается более слабая, размытая полоса приставленных друг к другу домов, созданных по многократно возобновлявшимся требованиям строить «не выше Зимнего».

Полоса стыка домов и неба – расплывающаяся, но тем не менее достаточно определенно выраженная в своей горизонтальности, словно противостоит нижней линии, стыка строений и воды. В английском языке есть понятие skyline (небесная линия). Это не линия горизонта в нашем смысле слова. Значение skyline более широкое: оно включает линию соединения гор и неба (где горизонта с нашей точки зрения нет), линии домов и неба и прочее. Зубчатая, как бы дрожа-

Perhaps the most characteristic feature of Leningrad is the predominance of horizontal lines over vertical ones. Horizontal lines form a basis on which all other lines are drawn.

This predominance can be explained by a great number of waterways – Bolshaya Neva, Malaya Neva, Bolshaya and Malaya Nevka, Fontanka, Moika, Kryukov and Griboedov Channels and so on. The junction of land and water forms perfect horizontal lines especially when land is set in the frame of embankments.

They form the second line maybe not so smooth but not less decisive. So Leningrad is accentuated by a double line. Besides it is worth noting that the level of water in Neva is always rather high with the exception of rare autumn floods.

Above two horizontal lines – energetic and clear line of water and land junction and the less sharp line of embankments – there rises a weaker and more broken line of built side by side houses which were erected according to the rule “not higher than Winter Palace”.

The junction line of houses and the sky is dim but clearly horizontal and it countervails the lower line of water and buildings junction. Skyline is not a horizon. This term has a wider meaning including the junction line of the sky and mountains where there is no horizon from our point of view, the junction line of the sky and houses and so on. The jagged shaking line of the houses at the sky’s background makes an impression of ephemeral illusiveness of the city.

Thanks to the absence of risings and slopes the streets become the interior of the city. And Dostoevsky (especially in “Crime and punishment”) interprets the life of streets and squares as the interior of the city. The gardens and boulevards are “built” into this solid streets’ building underlining the horizontality of the city. Vasilievsky island where even the name of “street” disappears and is replaced by “line” is the most typical

Дмитрий Сергеевич Лихачев

Dmitri Sergeevich Lihachev

щая линия домов на фоне неба создает впечатление призрачности, эфемерности городской застройки.

Благодаря отсутствию подъемов и спусков улицы становятся интерьером города. Именно как интерьер трактует Достоевский жизнь улиц и площадей (особенно в «Преступлении и наказании»). Сады и бульвары «встраиваются» в эту плотную застройку улиц, что служит еще одним выражением горизонтальности города. Особенно типичен в этом отношении Васильевский остров, где пропадает даже само название «улица». Есть только три проспекта (три «перспективы») и «линии», линии домов.

Характерные элементы города – три шпиля: Петропавловской крепости, Адмиралтейства и Михайловского замка. Они представляют собой как бы перпендикуляры к горизонтальным линиям и тем самым не противоречат им, а как бы подчеркивают их существование. Шпилям вторят высокие колокольни – архитектора Чевакинского на Крюковом канале и церкви на Сенной площади (снесена).

Мощная громада Исаакиевского собора с золотым (а потому «неархитектурным») куполом должна была бы создать второй центр Ленинграда, по своим градостроительным целям сходный с ролью собора Святого Петра в Риме. Отметим все же, что ни шпили, ни купола, равномерно расставленные по городу, не создают еще каких-то линий – купола не прямые, сферические, а потому не могут задавить горизонтали.

Конечно, внешний облик Петербурга-Ленинграда был бы бедным, если бы он своей единственной чертой имел горизонтали. На самом деле очень важной и обогащающей чертой Ленинграда явля-

example. There are only three prospects – "perspectives" and lines.

Three spires – a spire of Peter and Paul fortress, Admiralty spire and the spire of Michael's Castle – are the characteristic feature of the city. They represent perpendiculars to the horizontal lines underlining their existence. They are echoed by high bell-towers – Chevakin's at Kryukov channel and of the church on Sennaya square (demolished nowadays).

The magnificent enormous bulk of St.Isaac's cathedral with it's gold (ant that's why not "architectural") dome was intended to form the second centre of the city similar to St.Peter's cathedral in Rome. But nor spires neither domes evenly spread in the city do not form any additional lines – spherical cupolas can't dominate horizontals.

Surely the image of Petersburg-Leningrad would be rather poor if horizontals would be it's only characteristic feature. In fact the other important and enriching feature of the city is the numerous and peculiar breaches of these horizontal lines which gives them a special charm.

Among other characteristic features of the city I regard as the most important it's colorful range and harmonic combination of grand styles. The colors of the houses play an important role in Leningrad. Hardly any European city can be compared with Leningrad in this respect. Leningrad needs color because rains and mists overshadow it more than any other city. That's why the bricks were covered with plaster and the plaster demanded painting. Water-colors were mainly used.

It will be very important to analyze how baroque in it's different forms is combined in Leningrad with rococo and Catherine's classicism and why empire became a dominating style. Surrounding them with eclecticism and later with modern style became a peculiar and "clever" addition which en-

ются многочисленные и своеобразные нарушения этих горизонталей – «богатые нарушения», придающие своеобразие горизонталям.

Из других особенностей Ленинграда считаю главными две: красочную гамму города и гармоничное сочетание в нем больших стилей. Окраска домов играет в Ленинграде очень важную роль. Едва ли какой-либо крупный город Европы может сравниться с Ленинградом в этом отношении. Ленинград нуждается в цвете: туманы и дожди заслоняют его больше, чем какой-либо другой город. Поэтому кирпич не оставлялся неоштукатуренным, а штукатурка требовала окраски. Тона в городе по преимуществу акварельные.

Внешний облик города сочетается с удивительной стройностью его исторического образа. Историческое прошлое города, сравнительно короткое — всего три столетия, воспринимается как своеобразное драматургическое действо, при этом завершившееся, ибо совершенно ясно, что, каково бы ни было его будущее значение в нашей стране, внутренняя драматургия города закончилась.

Академик Дмитрий Лихачев

Источник: «Наше наследие». 1989. № 1. С. 8–13. Статья написана Дмитрием Сергеевичем Лихачевым (1906–1999) еще до переименования Ленинграда в Петербург, в 1991 году. В данном издании печатается с сокращениями.

riched the impression. The later modern style with its return to classicism proved to be the most apt.

The last remark is addressed to the future investigators of the image of Leningrad. Its appearance wonderfully correlates with its historical image. Its relatively short history (only three centuries) is perceived as a peculiar dramatic action which has come to its end because it is clear that the internal drama of the city is finished despite its future role in our country.

Academician Dmitry Likhachev

(«Our heritage». 1989. # 1, p. 8–13. The paper was written by D. Likhachev (1906–1999) before the renaming of Leningrad which took place in 1991.)

1

*ре*волюция 1703 года

*re*volution of 1703

Город Святого Петра стал самым успешным и самым спорным проектом царя Петра Алексеевича.
Первый русский император был рационалистом, но жил как истинный романтик, не делающий различий между отвлеченной истиной и реальностью. Каждый замысел он испытывал на себе и своей стране, не считаясь с жертвами и не боясь ступить в область неизведанного.
Решение практических задач для Петра было неразрывно связано с обновлением всей державы. Возможно, именно поэтому крепость, основанная на берегах Невы и призванная закрепить российское главенство в Балтийском море, превратилась в столицу.

Хотя царственный революционер кардинально изменил общественную и частную жизнь всей страны, его реформы совершенно основательно связывают в первую очередь с Петербургом. Закладку нового города вполне можно объяснить соображениями военно-политического характера. Однако наделять балтийский форпост похищенными у Москвы столичными функциями было вовсе необязательно.
Тривиальный здравый смысл подсказывает, что для новой столицы могло найтись местечко поудобнее. Недаром утомленные борьбой с наводнениями потомки постоянно упрекали Петра за нелогичный выбор. Его мотивы, явно выходившие за рамки расхожих представлений о целесообразности, подчинялись иной логике – исторической. Их истоки кроются в творческом отношении царя к европейской цивилизации и культуре.

Европа, с которой познакомился Петр, была довольно пестрой. Государственное устройство, социальные и религиозные институты Голландии, Франции и Англии разительно отличались друг от друга. Поэтому о буквальном копировании речь не

The city of St.Peter became the most successful and the most controversial project of the tsar Petr Alexeevich.
The first Russian emperor was a rationalist but he lived as a true romantic who saw no difference between reality and abstract truth. Each vision he tested on himself and his country without regard for number of victims and courageously exploring unknown spheres.
The solving of practical tasks was inseparably linked for him with innovation of the whole country. That's why the fortress which was built on the banks of Neva river and was meant for consolidation of Russian power on Baltic sea became a capital of state.

Портрет Екатерины I на фоне Екатерингофа

The portrait of Catherine I against the background of Ekaterinhoff

Although regal revolutionary has cardinally changed national social and private life, first of all his reforms are associated with St. Petersburg. The foundation of new city might be explained by military and political reasons. But it was not necessary to endow it with the functions of the capital which were stolen from Moscow. Trivial common sense prompts that there might be found a more appropriate place for the new capital. Not without reason the weary with resistance to constant floods descendants reproached Peter for his alogical choice. But he was not motivated by conventional expedience and acted according to the historical logic. The source of these motives can be found in the creative attitude of the tsar towards European culture and civilization.

Europe seen by Peter was rather motley. French, Dutch and English state, social and religious institutes varied greatly from each other. That's why we can hardly regard his innovations as simple imitation: Peter was

Шкатулка-сейф императора Петра I

The casket-safe of the Emperor Peter I

идет: Петр строил новое государственное здание, опираясь скорее на идеи, чем на их реальное воплощение в конкретных государствах. При этом российская специфика побуждала будущего императора переосмысливать и преображать европейский философский и политический багаж.

В юности царь стажировался в Нидерландах и Англии. Именно там ко второй половине XVII века уже произошли буржуазные революции, поэтому абсолютная монархия, насаждаемая государем в России и необходимая для проведения глобальных реформ, была, вероятно, позаимствована во Франции.
При этом государственная система кроилась не по французским, а по шведским лекалам: четыре сословия, отделенная от военной гражданская служба, сенат и коллегии, деление страны на губернии. А свежеиспеченная бытовая культура представляла собой сложную смесь из аристократического шика, мелкобуржуазных устоев и языческого разгула.

Русский царь явно тяготел к моделям, апробированным в весьма специфических странах. Вряд ли можно считать его противником национального своеобразия: Британия, также как Голландия, и по сей день выделяется в европейском семействе «лица необщим выраженьем».
История донесла до нас слова Александра. Пушкина «Я утверждаю, что Петр был архирусским человеком, несмотря на то, что сбрил себе бороду и надел голландское платье».
Вполне осознавая уникальность своего отечества, Петр искал не только место России в Европе, но и место в России, способное стать школой новой жизни. Петербургский «парадиз» был равноудален и от Москвы, и от Амстердама: он создавался как город небывалый не только для России, но и для Европы.

creating a new state being guided rather by the ideas than by their realization in different countries. Besides Russian specifics impelled the future emperor to transform Western philosophical and political models.

In his youth the tsar worked on probation in Holland and England where bourgeois revolutions have succeeded up to the end of the XVII century. That's why the absolute monarchy which was implanted by the tsar in Russia and which was necessary for his global reforms obviously was borrowed from France.
Nevertheless the state system was modelled not after French but after Swedish mould presupposing four estates, separation civil service from military one, organizing of Senate and Colleges and division of the country into provinces. And the newly-baked culture represented a complicated medley of aristocratic stylishness, bourgeois principles and pagan revelry.

Russian tsar obviously had a taste for the models which were approbated in the certain countries. But he can't be regarded as an adversary to national originality: indeed Britain and Holland up to nowadays are distinguished by «singularity of facial expression» in the family of European states.
History has preserved for us the words by Alexander Pushkin: «I insist that Peter was archirussian although he shaved his beard and put on Dutch dress».
Being aware of the unique nature of his Fatherland Peter was not only trying to find a proper place for Russia in Europe, but also a place in Russia which could become a school of new life. Petersburg «paradise» was equally removed from Moscow and Amsterdam, and it was founded as a unique city not only for Russia but for Europe also.

The swamps and floods seemed less pernicious for realization of Peter's vision than

Болота и наводнения казались для реализации петровских замыслов менее пагубными, чем зыбкая трясина московской жизни. Вязкие петербургские грунты были подходящей почвой для внедрения передовых технологий и «выращивания» инженеров, ремесленников и управленцев. Борьба со стихией бросала вызов национальному характеру.
Россияне этот вызов приняли, и поэтому насильственно созданный город после смерти императора не пришел в запустение, оставаясь столицей Российской империи на протяжении всего ее существования. По словам русского философа Николая Бердяева, именно в «петербургский период» российской истории «наиболее полно раскрылся творческий гений русского народа». Масштаб задачи соответствовал его потенциалу.

Петр изменил время не только в переносном, но и в прямом смысле слова: Петербург появился на свет через четыре года после введения в России грегорианского календаря.
Разумеется, четкого и последовательного плана реформ у царя не было. Но идея плана была ему, очевидно, близка. Она лежала в основе строительства государства и города. Действительность вносила многочисленные поправки в документы и чертежи, но рационалистический идеал работоспособной и продуктивной державы оставался неизменным.
С формальной точки зрения многие царские начинания не увенчались успехом или не закрепили его. Однако Петр дал России и ее новой столице импульс к развитию. Достаточно сильный, чтобы его ощущали даже отдаленные потомки.

Москва была центром боярской политической культуры. Петербургу суждено было стать центром культуры дворянской. Петр вполне разделял популярное

unsteady quag of Moscow tradition. Boggy soils of Petersburg were a perfect ground for introduction of modern technology and «cultivating» of engineers, craftsmen and managers. The necessity to subdue the elements challenged the national character.
Russians accepted a challenge and that's why the forcibly founded city survived the emperor's death and stayed the capital of Russian empire in the whole course of it's existence. According to Russian philosopher Nikolai Berdyaev precisely in «the Petersburg period» of Russian history «the creative genius of Russian people developed to it's full extent». The scale of the goals corresponded to the potential of the city.

Peter changed time not only figuratively but also literally: Petersburg came to life only four years later after the introduction of Gregorian calendar in Russia.
The tsar had no precise and consistent plan of reforms. But the idea of such a plan was congenial to him. It lied in the basis of city and state construction. Reality introduced multiple amendments into documents and charts but rationalistic vision of efficient and productive state remained intact.
From a formal point of view many of tsar's initiatives were not a success or this success was not secured. Nevertheless Peter gave Russia and it's new capital such an impulse that it is felt even by remote descendants.

Muscovite civilization was a centre of boyars' culture. Petersburg was destined to become the centre of the culture of nobility. Peter shared the contemporary European view that a strict specialization is needed for successful work of state apparatus. But the national reality made him to think not only about the mode of governing but also about the objects of governing.
Russian tsar counted on nobility for whom state service became a life long duty. The trick proved to be a successful one: in less

Табакерка с видом Петербурга. 1719—1725

The snuff-box with the view of Petersburg. 1719-1725

Соглашение о престолонаследовании

Agreement on the Royal Succession

в Европе того времени представление о том, что для успешной работы государственного аппарата необходима строгая специализация. Но отечественная реальность заставляла его думать не только о том, как управлять, но и кем управлять. Русский царь сделал ставку на дворянство, которому государственная служба отныне вменялась в пожизненную обязанность. Затея вполне удалась: не прошло и полувека, как официально освобожденные от этой повинности дворяне стали воспринимать службу как почетное право и критерий личной состоятельности. Насильственная мера быстро стала добровольным выбором, а введенная Петром Табель о рангах – эффективным стимулом и для отдельной личности, и для общества в целом.

Как ни парадоксально, Петр, отчаянно боровшийся за монополизацию власти, был горячим сторонником коллегиального управления: он нуждался не только в союзниках, но и в советчиках. В 1699 году Боярскую Думу сменила Ближняя канцелярия, состоявшая из восьми доверенных лиц. А в 1711 году был учрежден Сенат – орган судебной, административной и отчасти законодательной власти.
Примечательно, что он на первых порах размещался в Москве и перебрался на невские берега только в конце 1713 года – на год позже, чем двор. Возможно, таким образом царь «обкатывал» новые институты в сформировавшейся среде: из учрежденных коллегий только три – Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская были организованы непосредственно в Петербурге. При жизни Петру не удалось собрать весь аппарат власти под одной крышей. Однако он успел провести первый в России архитектурный конкурс, на который были вынесены проекты здания Двенадцати коллегий, и выбрать победителя – архитектора Доменико Трезини.

than fifty years the officially liberated from this duty nobility started to appreciate the service as an honorary right and a criterion of personal merits. The forcible measure quickly turned into a voluntary choice and introduced by Peter «Table of Ranks» became an effective stimulus for separate persons and for society as a whole.

In paradoxical way Peter who desperately fought for monopolization of power was an ardent supporter of a collegial government: he needed not only allies but also counselors. In 1699 the Boyars' Duma was abolished and replaced by Private Chancellery which consisted of eight confidential persons. In 1711 Peter created the Senate, which was partly a cabinet to oversee financial, judicial and administrative affairs, and also partly a legislature to enact the new laws.
Noteworthy that at first it situated in Moscow and moved to the banks of Neva only in the end of 1713 – a year later than the court. It's quite possible that in such a way the tsar «tested» new institutes in the habitual environment. Only three of all colleges – College of Foreign Affairs, Military College and Admiralty – were organized directly in St. Petersburg. Peter did not manage to collect the whole government apparatus under one roof during his life time. But he managed to hold the first in Russia architectural competition for the design of the Twelve Colleges and choose the winner – Domenico Trezzini.
Peter preferred the design which combined modern trends and a hint on continuity of power functions: the building reminded of executive organs of Muscovy, prikazy which were drawn up in line along Kremlin. Innovation was not an end in itself for the monarch, he saw it as a means of perfection of great state.

Old capital for some period of time was remaining a focus of power organs, but the

Петр предпочел проект, в котором современное архитектурное решение сочеталось с намеком на преемственность властных функций: здание явно напоминало о выстроившихся в одну линию вдоль Кремля московских приказах. Новаторство было для монарха не самоцелью, а средством совершенствования великой державы.

Старая столица еще некоторое время оставалась средоточием властных структур, но политический центр страны переместился в новую, где можно было опереться на людей, не связанных с интересами родовой аристократии.
Бюрократическая машина, запущенная Петром, на столетия определила характер петербургской жизни. Отныне именно здесь россияне и «русские европейцы» зарабатывали чины, звания и славу. Иногда – бессмертную.

Локомотивом петровских реформ были преобразования в области военного дела, и Санкт Петербург с момента своего основания стал «фабрикой» обновленной армии и боеспособного флота. Здесь в 1704 году было основано первое в истории нашей страны судостроительное предприятие – «Адмиралтейские верфи». К октябрю 1705 года завершилось строительство Адмиралтейской крепости.
Она представляла собой кронверк: со стороны Невы укреплений не было. Первые суда начали строить сразу после возведения Адмиралтейства, защищавшего не только город, но и корабли. Кроме стапелей, на его территории расположились необходимые флоту мастерские и склады. Инженерные и ремесленные задачи решались русскими рабочими преимущественно под руководством опытных иностранцев. Отечественных специалистов уже готовили за границей, однако их пока не хватало.

political centre of the country moved to the new capital where one could be supported by people not connected with the interests of hereditary aristocracy.
Bureaucratic machine launched by Peter for many years predetermined the mode of Petersburg life. Since then just here Russians and «Russian Europeans» attained high ranks and glory which sometimes was immortal.

Reorganization of army was a motive power of Peter's reforms and St. Petersburg became «a factory» of renovated army and efficient fleet. The first national shipbuilding enterprise – Admiralty shipyard was founded here in 1704. In October 1705 the building of Admiralty fortress was completed.
It presented a crown work without fortifications from the riverside. The first ships were built immediately after it's construction and it defended not only the city but also the ships. Beside berths workshops and storehouses necessary for shipbuilding were situated there.
The engineering and industrial tasks were being solved by Russian workers under the guidance of foreign specialists. National specialists already were trained abroad but there were not enough of them.
In such way creating the fleet Peter simultaneously had to create a system of «industrial training» which later gave growth to the system of education – at first it was a military-technical education and then a humanitarian one.
Eventually the Admiralty focused exclusively on large naval vessels while at Galley Wharf the galleys were built which were used in shallow waters of Eastern Baltic. In 1714 they secured naval victory off Hango in southern Finland. Russian fleet

Барельеф-модель «Основание Санкт-Петербурга»

The bas-relief-model «The Foundation of Saint-Petersburg»

Таким образом, создавая флот, Петр был вынужден одновременно создавать и систему «производственного обучения», из которой, как из зерна, впоследствии выросла система образования: сначала – военно-технического, а потом и гуманитарного.
С годами в Адмиралтействе развернулось строительство больших многопушечных кораблей, а в Галерном дворе – галер, удобных для неглубоких вод восточной зоны Балтийского моря. Уже в 1714 году они обеспечили победу при мысе Гангут. Русский флот больше не нуждался в защите – он сам стал главным защитником Петербурга.

Реорганизация армии проходила столь же стремительно и эффективно. Поместно-дворянскую конницу Петр I заменил регулярной кавалерией и, начиная с 1705 года, положил в основу комплектования низового состава рекрутские наборы. В результате армия стала профессиональ-

did not need protection any more being itself the main defender of St. Petersburg.

The reorganization of army was also swift and effective. Peter changed the landed gentry cavalry for regular mounted troops and beginning from 1705 made the recruitment the main force of lower ranks' formation. As a result there appeared a professional army and military service became a life long for all estates. Not less important was a rearmament in particular the transition to the manufacturing of standard heavy guns under personal supervision of the tsar.
This process which mobilized the resources of the whole country was especially intensive in St. Petersburg. The second in size state industrial enterprise Liteiny Works (Foundry) was established here in 1711. The construction was directed by outstanding Dutch engineer Georg Wingelm de Hennin and later by Major-General and a continuous head of Artillery prikaz James

Распоряжение Петра I от 21 апреля 1718 года

The Decree of Peter I of the 21st April 1718

ной, а военная служба – пожизненной для всех сословий. Не менее важную роль сыграло перевооружение, в частности, лично курировавшийся монархом переход к производству типовых орудий. Процесс, мобилизовавший ресурсы всей страны, с особой интенсивностью развернулся в Санкт-Петербурге. В 1711 году здесь был заложен Литейный двор – второе по величине государственное промышленное предприятие. Руководил строительством выдающийся голландский инженер Георг Вингельм де Геннин, а затем генерал-майор Яков Брюс, автор новой артиллерийской шкалы и бессменный руководитель Артиллерийского приказа, позже переименованного в Главную канцелярию. Возле Литейного двора также при участии де Геннина был построен Арсенал (до 1720 – Пушечный двор), а на Малой Невке и Охте – пороховые заводы. ы

В 1719 году в деревянных строениях, принадлежавших генерал-фельдмаршалу графу Бурхарду Христофору Миниху, разместилась первая русская военно-инженерная школа, созданная по прямому указанию и под непосредственным надзором царя. Сформированная Петром единственная в Европе регулярная армия получила современное вооружение и кадры, а столица – научно-промышленную «специализацию», которой она верна и сегодня.

Молодая петербургская промышленность довольно быстро вышла за пределы сугубо военной ориентации. При Петре были основаны дворцовые и частные мануфактуры, которые обслуживали интересы двора и города.

В 1717 году была организована Шпалерная мануфактура, которая просуществовала до 1859 года и оставила по себе память в названии одноименной улицы. Царь, впечатленный произведениями го-

Bruce. Close to the Foundry also with the help of Hennin the Cannon foundry (called the Arsenal after 1720) was established and on Malaya Nevka and Ochta gunpowder works were constructed.

In 1719 the first Russian school of military engineers was established at the tsar's direct order and under his supervision in the wooden houses which belonged to Field Marshal Burkhard Christopher Munnich. The first

Карта реки Невы. 1718 год
The map of Neva river. 1718

in Europe regular army formed by Peter received armament and cadre and the capital became a scientific-industrial centre remaining it up till nowadays.

Young Petersburg industry quickly surpassed the limits of military interests. Court and private manufactures satisfying the court and city needs were established under Peter.

A factory that produced tapestries (shpaleri) was founded in 1717. It functioned up to 1859 and a street where it situated was named after it Shpalernaya. Peter being under impression of Gobelins' manufacture in Paris ordered Lefort to hire qualified French craftsmen.

They arrived in St.Petersburg and started to work. It being known that the president of the manufacture Philippe Begaglu was or-

Портрет Петра I.
1780-е годы

The portrait of Peter I
1780s

Астролябия полукруглая

The_semicircular astrolabe

беленовой мануфактуры в Париже, приказал Францу Лефорту нанять во Франции квалифицированных мастеров.
Они прибыли в Петербург и приступили к делу. Причем директору мануфактуры Филиппу Бегаглю с самого начала было предписано «принимать в свою службу российскую нацию и обучать их всему, что касается до того мастерства». Эксперимент удался. Петербургские шпалеры пользовались неизменным спросом у русской аристократии – несмотря на ее склонность к привозным предметам роскоши.
Кожевенное производство также развивалось под бдительным царским оком. Царь запретил выделывать обувь с помощью дегтя. Уличенным в ослушании производителям и торговцам грозила конфискация имущества и ссылка в каторжные работы. Образцовый казенный завод, на котором юфть обрабатывалась ворванью, разместился в1718 году на Выборгской стороне, в бывшем дворе Александра Кикина.
Казенные предприятия играли роль первопроходцев: убедительные результаты их деятельности стимулировали частную инициативу.

Деловая активность россиян не только поощрялась, но и подхлестывалась административными мерами. В 1716 году на Выборгской стороне возникли солодовые и пивоваренные заводы, сначала казенные, а потом и частные. До этого пиво приходилось экспортировать, причем в больших количествах: моряки его использовали как средство от цинги. Сформированная на заре жизни города пивоваренная отрасль остается важнейшей и в Петербурге XXI века.

Царь-просветитель намеревался превратить Петербург в научный центр. В 1714 году в столице открылся первый в Рос-

dered «to take into service Russian nation and to instruct it in everything concerning this trade». The experiment became a success. Despite the tendency of Russian aristocracy to buy foreign objects of luxury Petersburg tapestries were in constant demand.
Tanning industry also developed under vigilant tsar's supervision. The tsar forbade to dress the shoes with the help of tar. Those who were caught in disobedience were deprived of all property and exiled for penal servitude. The model public factory where Russian leather was dressed with blubber-oil was placed in 1718 on Vyborg side in the former Kikin's court.
Public factories played the role of firstlings: the convincing results of their activities stimulated private enterprise.

Business activity of Russians was encouraged and even urged on by administrative measures. In 1716 state and later private malt-houses and breweries were established on Vyborg side. Previously beer was exported in large quantities because sailors used it as a medicine for curing of scurvy. The organized in the early days of the city's life brewing branch of industry remains in Petersburg one of the most important in the XXI century.

The tsar-enlightener was intending to turn Petersburg into scientific centre. The first Russian public free of charge museum was opened in 1714. It was called by Peter Kunstkamera which means Chamber of Curiosities. Peter's personal collections which were so vast that they needed a special room in tsar's residence on Fontanka river and a special staff of overseers became the basis of it's exposition.
Peter planned to construct a special building to house the museum, the library and the Academy which did not exist yet. The construction began in 1718 and in January 1724 Peter issued the decree establishing

сии общедоступный музей. Петр назвал его «кунсткамерой», то есть собранием редкостей. Основу экспозиции составила его личная коллекция, столь обширная, что для ее хранения пришлось выделить особое помещение в царской резиденции на Фонтанке, а для присмотра за экспонатами – штат сотрудников.
Грандиозный петровский план предполагал строительство специального здания для музея, библиотеки и в ту пору еще официально не сформированной академии. Его заложили в 1718 году, а в январе 1724 года состоялось заседание Сената, на котором был утвержден проект основания Академии наук.
По замыслу Петра, она не должна была походить на зарубежные. Впервые в Европе академия объединила в себе высшее учебное заведение и научно- исследовательскую организацию, причем оба направления ее деятельности финансировались за счет казны.
Просветительская концепция государя доказала свою жизнеспособность: здание отечественной науки, как и здания, для нее предназначенные, были успешно достроены уже после его смерти.

Современные историки сходятся во мнении, что некоторые петровские преобразования являлись логичным, хотя и форсированным продолжением процессов, медленно, но верно протекавших в XVII веке. Впрочем, это не касается шокирующего вмешательства государства в частную жизнь: не только духовные, но и светские обычаи при Петре подверглись решительной ломке, которую до его правления ничто не предвещало.

Петербург превратился в основное место действия уникального «машкерада»: массового переодевания русского человека в европейское платье. Принудительно навязанные костюмы и парики стали са-

the Academy which was approved by the Senate.
According to Peter's vision it should be unlike foreign academies. The Academy performed research (mostly scientific) and educated future scholars and scientists being funded by government.
The enlightening conception of the monarch proved it's viability: the construction of national science as the construction of buildings which were meant for it were completed after his death.

Modern historians agree that some of Peter's reforms were a logical although a forced continuation of the processes which were slowly developing in the XVII century.
Although it does not include the shocking interference of state into private life: Peter decisively broke not only spiritual conceptions but also the outdated worldly customs. Nothing predicted it before his reign.
Petersburg became the centre of the unique masquerade: of mass changing of national clothes for European ones. Forcibly instilled dresses and wigs became the visual proof of «Western orientation» of Peter inducing inexhaustible wit of descendants.
Indeed the tsar ordered all Russian men to wear Hungarian, Saxon or French attire and German boots and ladies had to put on only German dresses. It's not that he naively considered to change the boyars' ideology with the help of another dress.
European attire was a kind of «uniform» which equalized in rights aristocracy, nobility and prosperous members of lower classes. Peter strove for consolidation of estates and the nobility associated Russian boyars'

Форма офицера Преображенского полка

The uniform of the Preobrazhensky Regiment officer

Афродита
(Венера Таврическая)

Aphrodite
(Venus of Taurida)

мым наглядным проявлением «прозападной ориентации» Петра и одновременно закономерной мишенью для остроумия потомков.
И действительно, царь в приказном порядке заставил российских мужчин носить верхнюю одежду венгерского, саксонского и французского образца и немецкую обувь, а дам – с головы до ног обрядиться во все немецкое. Но вовсе не потому, что наивно надеялся переменой платья изменить мировоззрение русского боярина.
Европейская одежда служила своеобразной «формой», уравнивающей родовитых аристократов, дворян и преуспевших выходцев из черни. Петр стремился к консолидации сословий: русская боярская одежда ассоциировалась с нежелательной для дворян претензией на знатность рода.
Необремененное сложившейся социальной символикой и одинаково непривычное для всех платье хотя бы внешне сглаживало противоречия. А также помогало приобщить подданных к эмансипированной светской жизни.

Иноземцы, посещавшие Москву в допетровские времена, единодушно сетовали на отсутствие развлечений: непринужденного общения, музыки и танцев. В местном придворном этикете культивировалась неподвижность – символ личного величия и незыблемости государственных основ. Публичная жизнь была жизнью мужской – аристократки к ней не допускались.
Такая манера поведения резко отделяла бояр от основной массы русского народа: крестьянский быт был пронизан музыкальными обрядами, в которых нередко принимали участие представители обоих полов.
Поэтому, когда Петр организовал знаменитые ассамблеи и в приказном порядке заставил элиту плясать и беседовать, под

dress with the pretension to the distinguished origin.
The contradictions were partly smoothed by unusual for all estates attire which was not burdened with traditional social symbolism. Also it assisted in bringing emancipated worldly life within the reach of the broad masses.

The foreigners who visited Moscow before Peter unanimously complained of the lack of entertainment – the absence of social meetings, music and dances. The court cultivated immobility which was a symbol of personal grandeur and of state firmness. Social life was exclusively men-oriented and was forbidden for the ladies of noble birth. This mode of life secluded boyars from the rest Russian population: the peasants' life was permeated with musical rites in which participated representatives of both sexes. That's why the famous Peter's assemblies where everybody had to dance and to talk with each other endangered the traditional norms of behaviour. From the point of view of noble Russians these «free meetings» erased the differences between them and ordinary mortals.
Surely boyar Moscow did not do for this cultural innovations. And only free from traditions Petersburg allowed Peter to accustom his subjects to social life.
Apparently the first Petersburg assemblies were held in 1714-1715 as it is noted in «The Travel Notes of the Emperor Peter I». Two years later the reformer returned from France finally convinced that the form of leisure combining pleasance with usefulness must be instilled with all possible insistence. In December 1718 the Petersburg society was ordered to organize and to attend assemblies. The control over realization of emperor's decree was entrusted to police general Anton Divier who was obliged to register the names of all participants of the assemblies.

угрозой оказались не просто устоявшиеся нормы поведения. В глазах высокородных россиян «вольные собрания» стирали различия между ними и простыми смертными.

Понятно, что боярская Москва совершенно не подходила для культурных новаций. Зато лишенный шлейфа традиций Петербург подарил царю возможность приучить подданных к «общественности».

Судя по всему, первые петербургские ассамблеи прошли в 1714 и 1715 годах: об этом имеются записи в «Походных и путевых журналах императора Петра I-го». Спустя два года вернувшийся из поездки во Францию реформатор окончательно утвердился в убеждении, что форму досуга, соединяющую приятное с полезным, необходимо внедрять со всей возможной настойчивостью.

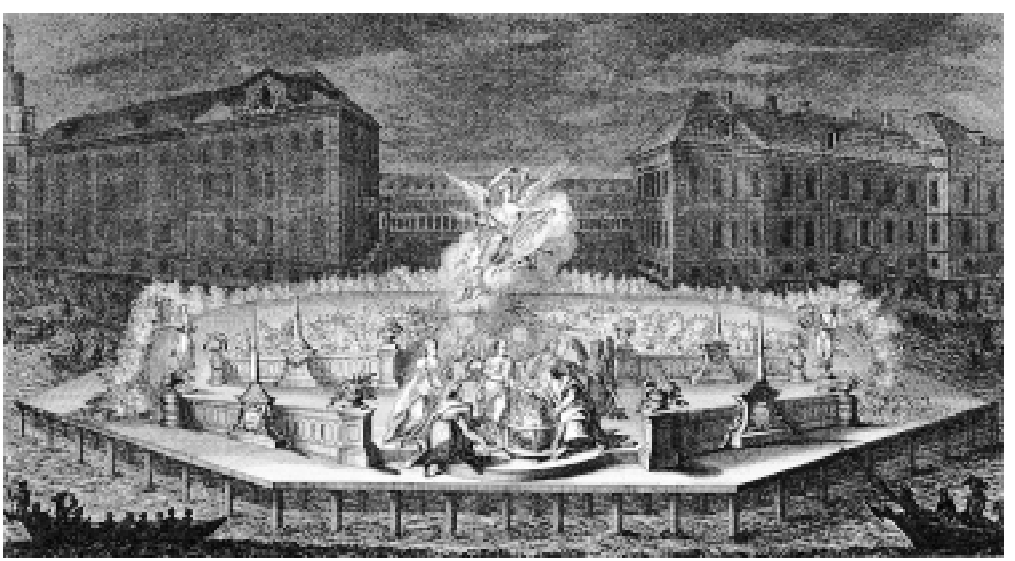
В декабре 1718 года петербургскому обществу было официально предписано устраивать и посещать ассамблеи. Строгий контроль за выполнением указа в Петербурге возлагался на генерал-полицмейстера Антона Дивиера, который обязан был являться к хозяину дома вместе

After Peter's death the social meetings where barge-skipper could dance with the princess and a merchant talk with the monarch gave way to class balls, receptions and evening parties.

But the society did not reject dancing and speech culture which was instilled on pain of punishment and penalties. And Russian ladies did not return into terems (chamber-towers). Freedom enforced by despot gave roots in the consciences of nobility. The whole country began to pattern it's life on Petersburg fashions, tastes and manners. The fortress became the strongfold of vogue.

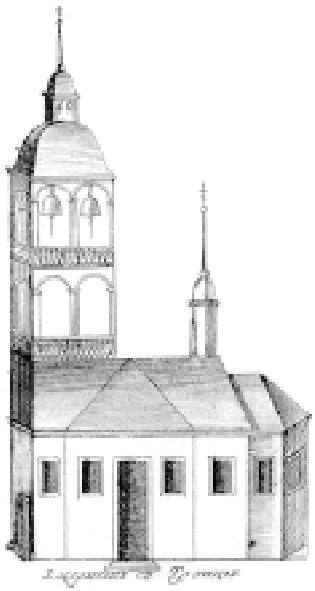
Trying to include church into the orbit of state activity Peter based on the mitigated and corrected English experience. He did not intend to become the head of the Orthodox church but he completely destroyed it's spiritual and property independence.

In 1719 the omnipotent and authoritative patriarch was changed for Holy State Synod – a collegial organ with limited plenary powers which at first were not even stated. In fact it was a ministry subjected to the tsar and engaged in administrative activity.



Вид Зимнего дворца во время Крещения на Неве 6 января

The view of the Winter Palace during the Epiphany on Neva of the 6th January



Церковь Святой Троицы.
1719–1725

The Holy Trinity Church.
1719 – 1725

Мазанки князя
Александра Меншикова.
Палисадник

The clay-walled huts of the
prince Alexander Menshikov.
The front garden

с писарями и записывать фамилию каждого присутствующего.

После смерти императора мероприятия, на которых шкипер мог танцевать с княжеской дочерью, а купец разговаривать с монархом, уступили место сословным балам, приемам и раутам.
Но общество не отказалось от танцевальной и речевой культуры, привитой ему под страхом наказаний и штрафов. И русские женщины не вернулись в терема: свобода, навязанная деспотом, прочно укоренилась в дворянском сознании. Теперь вся страна ориентировалась на петербургские манеры, наряды и вкусы – крепость стала оплотом моды.

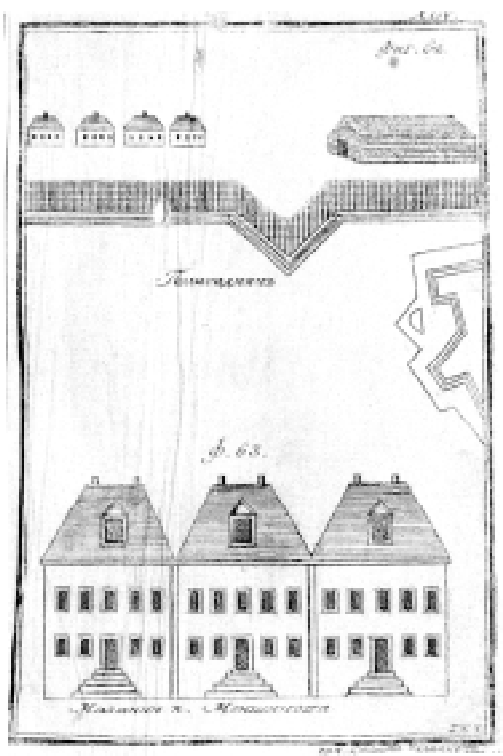
Стремясь включить в орбиту государственной деятельности церковь, Петр мог опираться на английский опыт – в откорректированном и несколько смягченном варианте. Он не назначил себя главой Православной церкви, однако полностью ликвидировал ее духовную и имущественную независимость.
На смену полновластному и авторитетному патриарху в 1719 году пришел Святейший Правительственный Синод – коллегиальный орган, наделенный ограниченными полномочиями, которые поначалу даже не были толком прописаны. Фактически он представлял собой министерство, совершенно подконтрольное царю и погруженное в административную деятельность.
Вице-президент Синода архиепископ Феофан Прокопович талантливо и последовательно пропагандировал приоритет монарха в любых делах, включая церковные, и прямо указывал, что церковь обязана «спешествовать всему, что к его царского величества верной службе и пользе во всяких случаях касаться может».

Церковная реформа была наиболее мучительной для русского общества. К несча-

Vice-president of Synod archbishop Feofan Prokopovich skillfully and consistently advocated the priority of the monarch in all affairs including spiritual and was candid pointing out that church must «assist in everything that concerns loyal service to the majesty and public benefit».

The church reform was the most poignant for Russian society. Unfortunately it was the last one, and the steps undertaken for tactical reasons became a constant strategy for Russian monarchs.
Being sincerely pious they supported without reserve bureaucratization of the religion which eventually played a fatal role in the history of the country.

Headlong reorganization of the country acquainted Russia with Europe and Europe



стью, она оказалась последней: шаги, предпринятые из тактических соображений, превратились для российских монархов в устойчивую стратегию.
Несмотря на искреннюю набожность, они безоговорочно поддерживали бюрократизацию религии, которая в конце концов сыграла трагическую роль в истории страны.

Стремительная реорганизация открыла России Европу, а Европе – Россию. В этом процессе личные контакты играли не менее важную роль, чем распоряжения правительства и указы государя. Санкт Петербург, изначально сформировавшийся как мультикультурный город, навсегда сохранил толерантность к иноземным обычаям, нравам и религиозным установлениям. Феноменально одаренный русский царь основал столицу, которая сумела повести за собой всю страну.

Андреевский собор

The Andreevsky Cathedral

with Russia. Personal contacts in this process played not a lesser role than the decrees of the tsar and the government. St. Petersburg founded as a multicultural city forever remained tolerant towards foreign customs, traditions and religions. Extraordinary talented Russian tsar founded a capital with became a leader of the whole country.

Вид Санкт-Петербурга к востоку. 1813

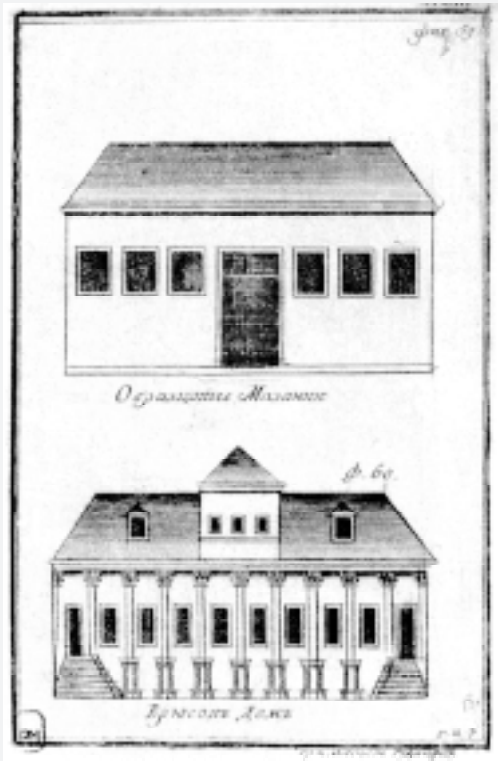
The view of Saint-Petersburg to the East. 1813

Первоначальная
Санкт-Петербургская крепость

The original
Saint-Petersburg fortress

Образцовые мазанки.
Брюсов дом

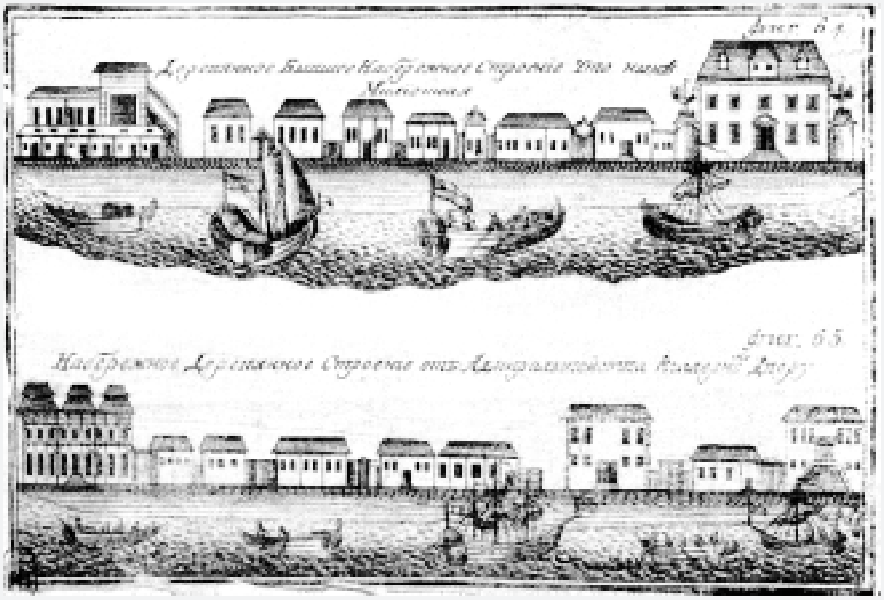
The exemplary huts.
The House of Bruce



План Петербурга первой четверти XVIII века

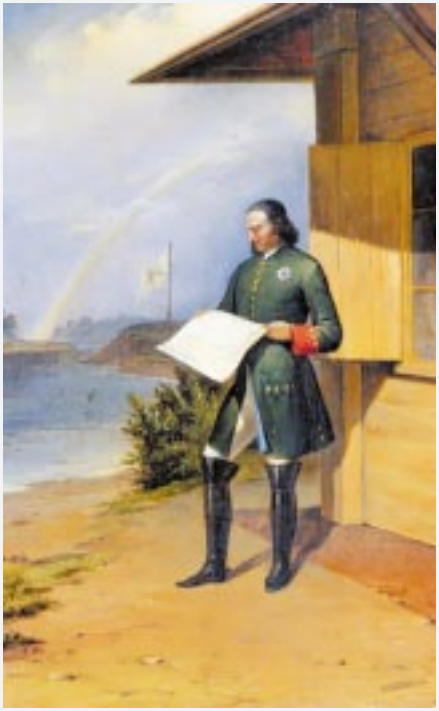
The Plan of Saint-Petersburg of the first quarter of the XVIII century

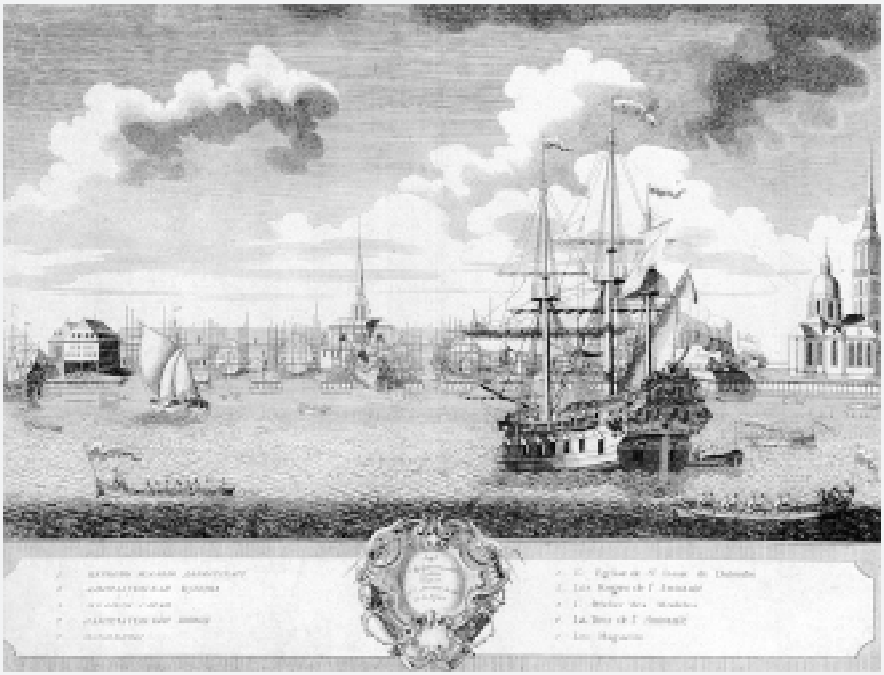
Вид Адмиралтейства с реки. 1729
The view to the Admiralty from the river. 1729



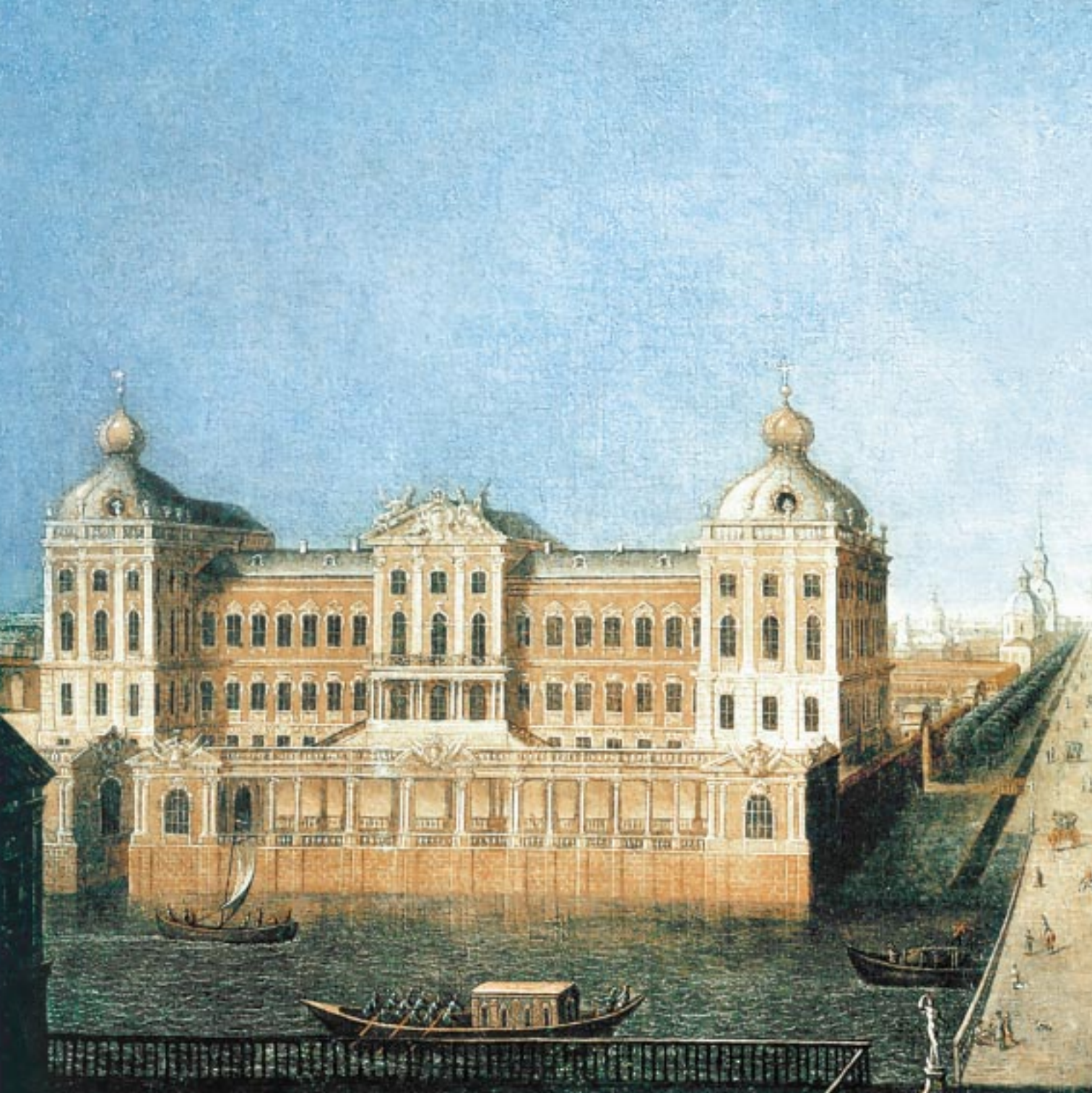
Строения на набережных Невы
The buildings on the banks of Neva

Портрет Петра I
The portrait of Peter I





Вид Петербурга. 1727
The view of Petersburg.1727



Революция 1704 года
revolution of 1704 year

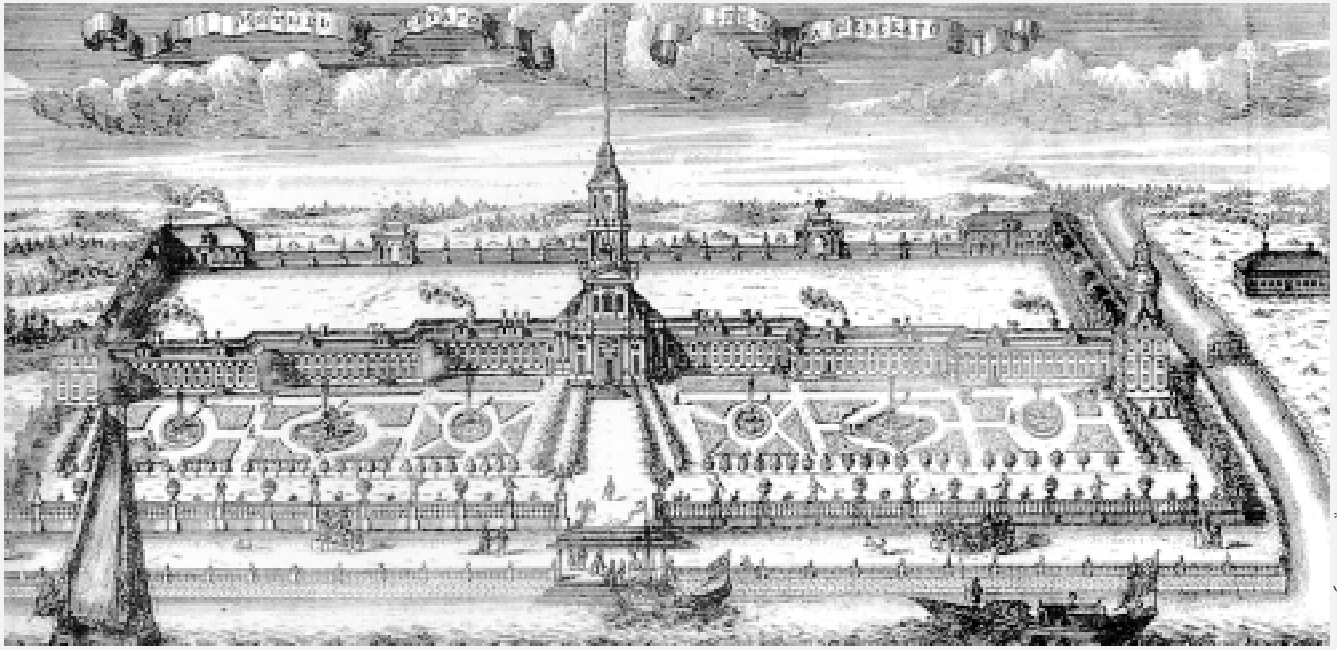
← *Вид Невского проспекта от Аничкова моста*

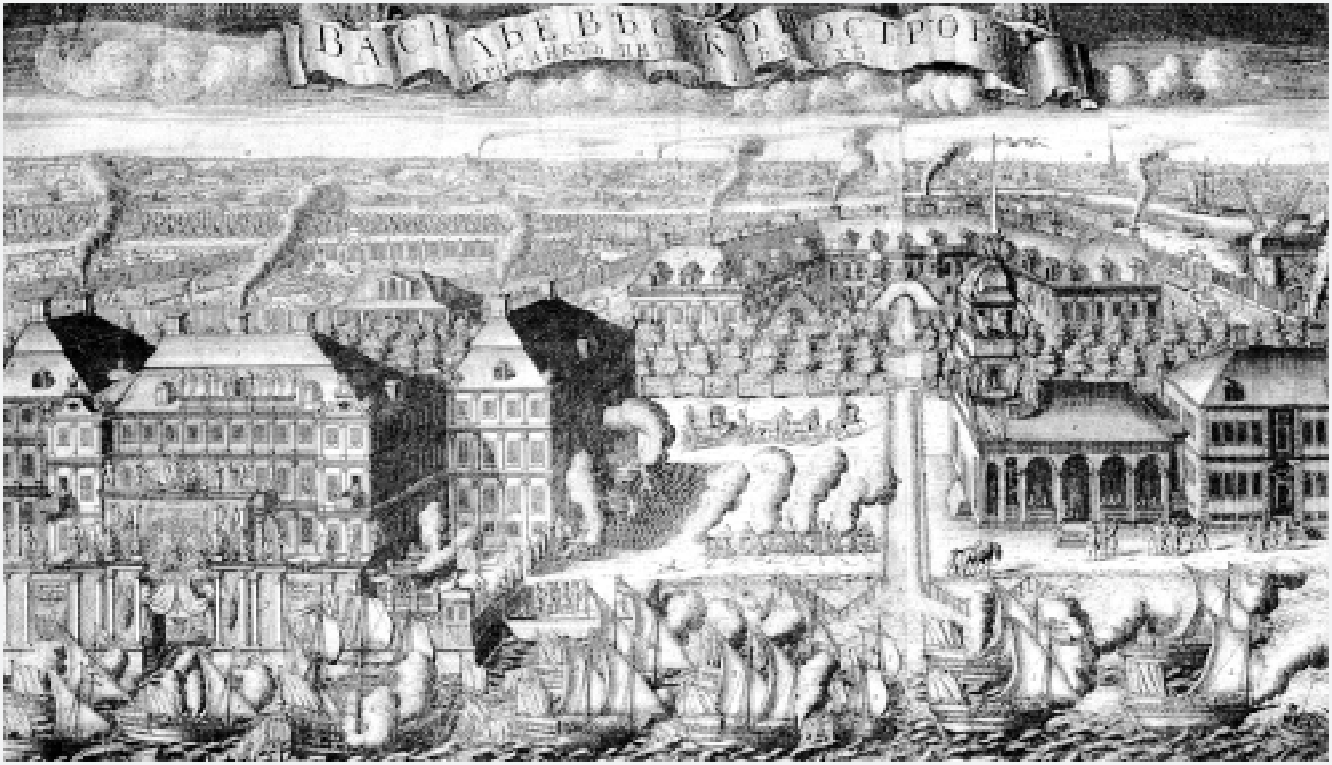
The view of Nevsky Avenue from the Anichkov bridge

Церковь преподобного Исаакия Далматского в 1710 году

The church of the Reverend Isaac of Dalmatia in 1710

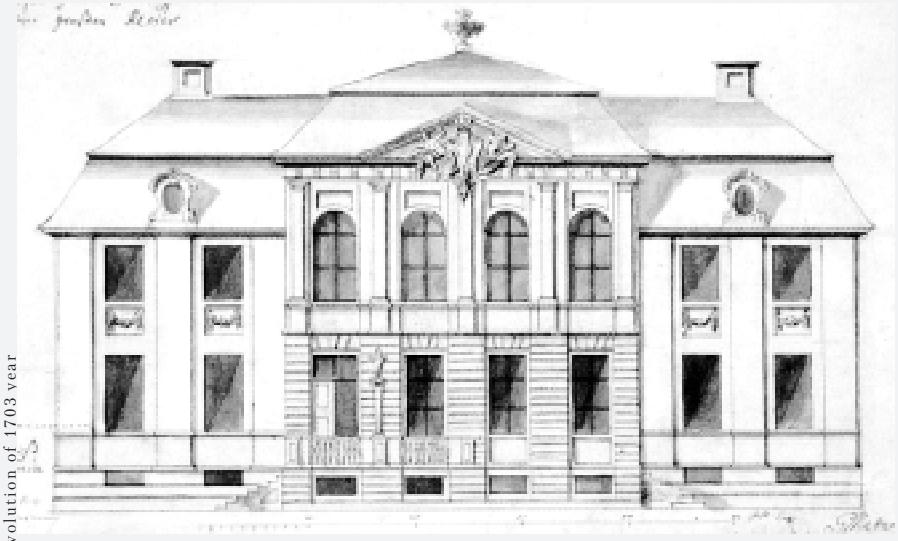
Монастырь Александра Невского
The Alexander Nevsky Abbey





Ввод судов в Петербург после Гангутской победы. 1714

The entry of the ships to Petersburg after the Hango victory. 1714



Новый (Второй) Зимний дворец Петра I. 1716—1719

The New (the Second) Winter Palace of Peter I. 1716-1719

Здание Двенадцати коллегий.
Третья четверть XVIII века

The Building of the Twelve Boards.
The third quarter of the XVIII century

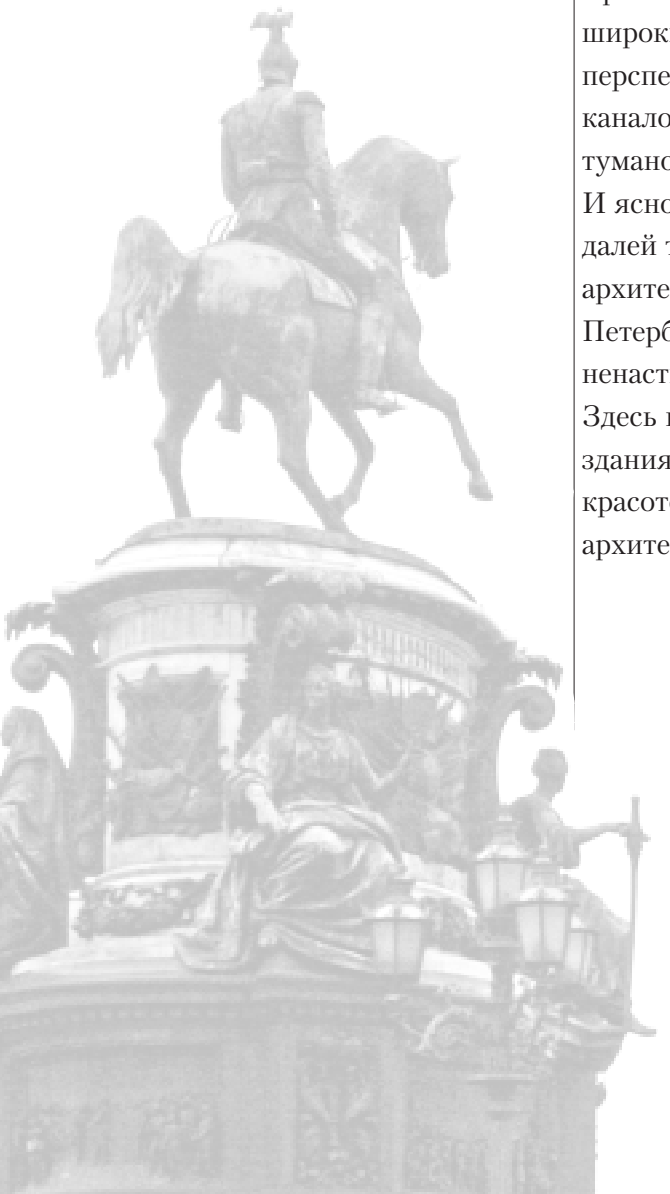
Биржа и Гостиный двор.
Третья четверть XVIII века

The Exchange and Merchant`s Arcade.
The third quarter of the XVIII century

Петропавловская крепость. Современный вид
The Peter and Paul Fortress. The modern view

Ростральная колонна. Стрелка Васильевского острова.Rostral column. Strelka *(spit) of the Vasilievsky Island.*

Решетка Летнего сада. The Railing of the Summer Garden.



Счастливая особенность Петербурга заключается в том, что целые площади его построены по одному замыслу и представляют собою законченное художественное целое. Архитектура Петербурга требует широких пространств, далеких перспектив, плавных линий Невы и каналов, небесных просторов, туч, туманов и инея.

И ясное небо, четкие очертания далей так же помогают нам понять архитектурную красоту строений Петербурга, как и туманы в хмурые, ненастные дни.

Здесь воздвигались не отдельные здания с их самодовлеющей красотой, а строились целые архитектурные пейзажи.

Николай Анциферов
из книги «Душа Петербурга»

The happy peculiarity of St. Petersburg consists of that the whole squares were built according to one design presenting the completed artistic entity. Petersburg architecture demands wide spaces, far perspectives, flowing lines of Neva and canals, celestial spaciousness, clouds, mists and rime.

Clear sky and precisely outlined distance help us to understand the beauty of Petersburg buildings not less than the mists in gloomy cloudy days.

Not separate buildings with their spontaneous beauty but architectural landscapes were built here.

Nikolai Antsyferov
«The Soul of Petersburg»

судьбу *петер*бурга
решали зодчие
и императоры

the fate of *peters*burg
was determined
by architects
and emperors

Санкт Петербург испытал на прочность претензию архитектуры на мироустройство. Архитектурные планы предопределяли жизненные: впервые в европейской практике зодчие решали судьбу целой столицы. От их дарований и усердия зависело будущее города, созидавшегося в борьбе с природной стихией и стихийной саморегуляцией.

В результате этого противостояния возник уникальный баланс между организованной творческой мыслью и органическим хаосом. Полностью контролировать архитектурное развитие урбанистического центра не мог даже его харизматический основатель. Тем не менее регулярность вошла в плоть и кровь города. Во многом благодаря европейским архитекторам, восхитительно решившим сложнейшие планировочные задачи. Во многом благодаря восприимчивости россиян, которые строили, совершенствовали и населяли Санкт-Петербург на протяжении всей его истории.

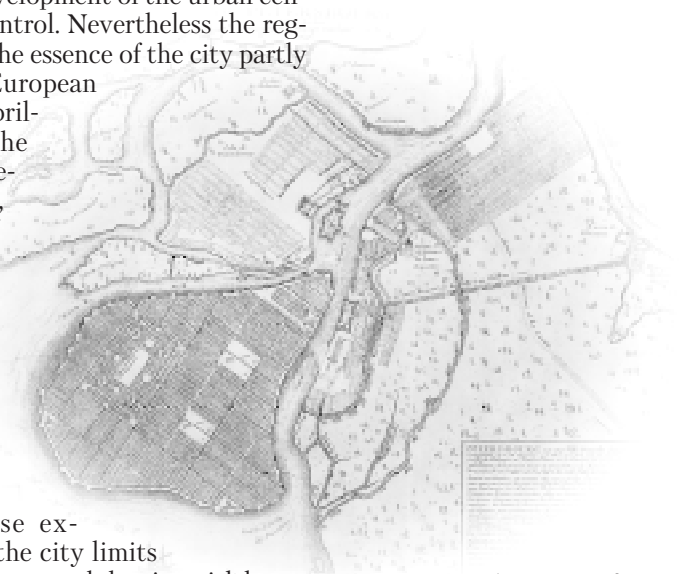
Уже первый русский император намеревался окружить город на Неве созвездием загородных дворцов. При жизни Петра были сделаны только первые шаги в этом направлении, и для реализации петровского замысла понадобились не десятилетия, а века. Зато в итоге Петербург приобрел «ожерелье пригородов», включающее в себя архитектурные и садово-парковые ансамбли Ораниенбаума, Стрельны, Петергофа, Царского Села, Павловска и Гатчины. Оторванные от городского ядра, они вобрали в себя архитектурную историю Петербурга и отражают его общеевропейское значение в такой же степени, как и сам город.

Градостроительные основы Петербурга были заложены в самом начале XVIII века под непосредственным присмотром Петра, впечатленного Амстердамом. Од-

The pretension of architecture to universal layout was tested by Saint-Petersburg. The architectural designs predetermined vital ones and for the first time in European practice the architects were determining the fate of the whole capital. The city's future formed in fight with elements and spontaneous self-regulation depended upon their talent and efficiency.

This contradiction led to the appearance of the unique balance between organized creative thought and organic chaos. Even charismatic founder of the city could not have the architectural development of the urban centre under full control. Nevertheless the regularity became the essence of the city partly thanks to the European architects who brilliantly solved the most difficult designing tasks, partly because of the susceptibility of Russians who built, perfected and lived in Saint-Petersburg in the course of all it's history.

Peter's paradise extended beyond the city limits as he wanted to surround the city with beautiful suburban palaces, parks, and gardens. Only first steps in this direction were made during Peter's lifetime as it's full realization needed centuries. But as a result Petersburg acquired a whole necklace of suburbs including architectural and garden ensembles of Oranienbaum, Strelna, Tsarskoe Selo, Petergof, Pavlovsk and Gatchina. Being distanced from the city nucleus they accumulated the architectural history of Petersburg and reflect it's European value not less than the city itself.



План Петербурга 1717 года
The plan of Petersburg of 1717

нако уже на заре своего существования город противопоставил сложившейся у европейских соседей компактности русский размах – на первых порах безалаберный, а потом и цивилизованный.

Начало Санкт-Петербургу положила Петропавловская крепость, заложенная 16 (27) мая 1703 года. Швейцарский архитектор Доменико Трезини стал автором важнейшей городской доминанты – колокольни собора, построенного на месте деревянной церкви. Объемно-пространственная композиция и декоративная отделка сооружения отражают освоение русским зодчеством мотивов барочной и ренессансной архитектуры. А венчающий колокольню ангел – один из символов Петербурга и неотъемлемая часть его мифологии.

По проектам Трезини также был возведен Летний дворец Петра (совместно с Андреасом Шлютером) и здание Двенадцати коллегий.

Самым заметным жилым домом в начале XVIII века был дворец Александра Меншикова, первого петербургского генерал-губернатора, которому Петр подарил весь Васильевский остров. Здание возводилось как четырехэтажное, однако со временем нижний этаж оказался в земле, так как землю на набережную острова постоянно подсыпали, чтобы уменьшить убытки от наводнений.

Летний дворец Петра I
The Summer Palace of Peter I

Петропавловский собор
The Peter and Paul Cathedral

История планирования Петербурга напоминает гонку: разраставшееся не по дням, а по часам население застраивало слободы, а царь старался переломить ситуацию с помощью жестких указов. В частности, в 1712 году он предпринял безуспешную попытку переселить горожан на остров Котлин. Для обуздания процесса сугубо административных мер явно не хватало. Трезини был завален текущей работой, и в северную столицу пригласили целую плеяду проектировщиков из Германии,

City-building principles of Saint-Petersburg were laid in the beginning of the XVIII century under the direction of Peter who was influenced by the impressions of Amsterdam. The natural and artificial waterways from the very beginning were considered as city streets and prospects. But even at the dawn of it's existence the city contrasted to the conventional European compactness Russian scope which at first was chaotic and later became more civilized.

Peter and Paul Fortress which was founded on the 16(27) of May 1703 started the construction of St. Petersburg. Swiss architect Domenico Trezzini became the author of the main city dominant – bell tower of the cathedral which was erected on the place of the former wooden church. The spatial composition and decor of the interior reflect the mastering by Russian architects the motives of baroque and Renaissance motives. The angel crowning the bell-tower is one of the symbols of Saint-Petersburg and an inseparable part of it's mythology.

Summer palace of Peter and the building of Twelve colleges were also constructed by Trezzini.

But the most spectacular living house in Petersburg in the beginning of the XVIII century was a palace of the first Petersburg general-governor Alexander Menshikov whom

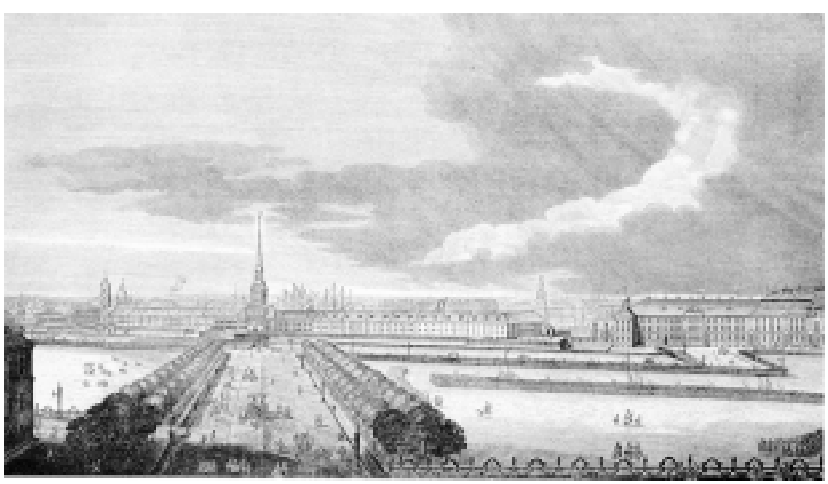
Италии, Франции и Швейцарии. Им предстояло создать город нового типа, прекрасно структурированный и откровенно современный.

Ключевое для Петербурга слово «план» на самом деле правильнее употреблять во множественном числе. После Кронштадта фаворитом царя стал Васильевский остров, и в 1715 году Трезини представил на рассмотрение Петра соответствующий проект: весь остров пересекали три параллельные просеки, которые и сегодня читаются в Большом, Малом и Среднем проспектах.
Он был утвержден, но претворялся в жизнь туго: петербуржцы явно предпочитали жить подальше от моря и, несмотря на репрессии, противились переезду. Тем не менее принципы, сформулированные архитектором, укоренились, и остров до сих пор напоминает о замысле Трезини, хотя автор единственного генерального плана столицы, королевский архитектор Жан Леблон, пошел иным путем.
По замыслу француза территория города, ограниченная овалом оборонительных стен и бастионов, включала в себя Васильевский остров, а также частично Петербургскую и Адмиралтейскую стороны. И Летний сад, и дворец Петра оказались за городской чертой. Кроме того, зажатому в объятиях крепостных сооружений городу было просто-напросто некуда расти. Вероятно, поэтому идеи Леблона не воплотились в жизнь, а швейцарец Николай Гербель вплотную занялся «поправлением» существующей застройки.
Вопреки морским устремлениям царя столица не выходила к морю, и Гербель перенес акцент на Адмиралтейский остров. Здесь «разводятся» прямые улицы, застроенные регламентированными по высоте и выставленными в одну линию домами. Не доходившие до нее здания «доращивались», а выступавшие – безжа-

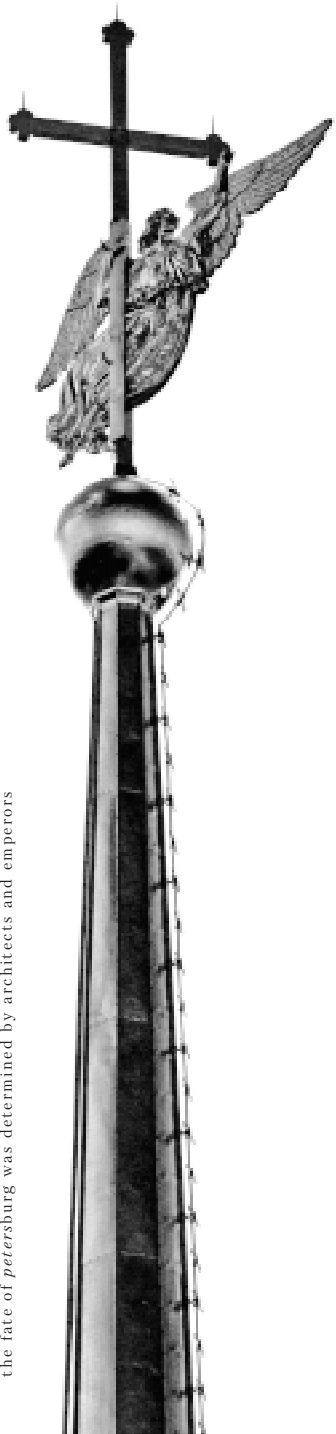
Peter presented him the whole Vasilievsky Island. It was a four-storied building but with time the first floor sank into ground as the embankment was constantly covered with earth to lessen the losses from floods.

The history of Petersburg planning resembles race: swiftly enlarging population built the quarters, and the tsar tried to change the situation with the help of strict decrees. For example, in 1712 Peter ventured on moving the centre of the city to Kotlin (Kronstadt), but this venture did not succeed. Administrative measures were not sufficient to stop this process.
Trezzini was overloaded with current work and a whole pleiad of designers from Germany, Italy, France and Switzerland was invited to the northern capital. They were destined to found a modern and good structured city of new type.

Вид Адмиралтейства
The view of Admiralty



The key-word for Petersburg «plan» really must be used in plural. When the Kotlin plan proved to be economically and logistically unrealistic Vasilievsky Island became Peter's favorite, and in 1715 Trezzini presented Peter the appropriate plan: the island was crossed with three parallel lines which



судьбу *петер*бурга решали зодчие и императоры
the fate of *peters*burg was determined by architects and emperors

лостно обрубались. Архитектор использовал радиальную систему из пяти лучей, ориентированных на башню Адмиралтейства. Впоследствии они превратились в два проспекта – Невский и Вознесенский и три улицы – Миллионную, Гороховую и Галерную.

Таким образом постепенно сложилась концепция, построенная на неразрывной связи планировочных и объемно-пространственных решений. Именно она впоследствии стала для петербургской архитектуры «охранной грамотой»: живой, растущий город мог обновляться, не разрушая выверенных еще в петровское время пропорций, рациональных и одновременно эффектных.

Петербург обрел собственную морфологию и логику, подчинявшую себе стилистические поветрия, но оставлявшую простор для новаций. Поэтому сегодня он представляет собой не собрание копий, а экспозицию достижений европейской архитектурной мысли, развернувшейся на российской почве.

Условия, в которых работали архитекторы, почти всегда были далеки от тепличных, но ментальное пространство города неизменно способствовало творчеству.

Петербургский феномен заключается в том, что рожденная вместе с городом архитектура навеки вросла в его ткань, а здания, появлявшиеся через сотни лет, невольно подчинялись не только писаным правилам застройки, но и образному строю города.

Экономические реалии, побуждавшие архитекторов упрощать барочные мотивы, со временем ушли. Но даже спустя годы близость сурового Балтийского моря и сложившаяся проектировочная традиция накладывали отпечаток на трактовку стиля петербургскими зодчими.

today are seen in Bolshoy, Sredny and Maly prospects.

The plan was approved but it's realization went with difficulties: the citizens preferred to live at a distance from the shores and despite repressions objected the removal. Nevertheless the architect's principles took root and the island up till nowadays resembles the design of Trezzini although the author of the only general plan of the capital the royal architect Jean Le Blond chose another way.

Under Le Blond's plan, the outline of the city would be dominated by an oval of fortifications encompassing most of Vasilievsky Island, Admiralty Island, and Gorodskoi Island area called Peterburgskaya storona, which also would serve as dams to control floods.

Summer garden and Peter's palace found themselves beyond the city limits. Besides the fortifications constrained the growth of the city as a commercial centre, and unduly cut it off from the mainland. Apparently because of this the vision of Le Blond was not realized, and Swiss Nicholas Herbel who came up to take his place began to amend the existing building.

Despite tsar's marine ambitions the capital took shape on the left bank of Neva at some distance from the seaside. And Herbel moved the accent to the Admiralty Island. Straight streets were laid here along which the houses of similar height were built. The smaller houses were built up, the higher ones were mercilessly chopped off. The architect used a radial system with the Admiralty as it's centre, and five streets as five rays stretched from this centre. Later they turned into two prospects – Nevsky and Voznesensky and three streets – Millionnaya, Gorohovaya and Galernaya.

In such a way gradually there was formed a conception based on the inseparable link between design and three-dimensional

Сын итальянского скульптора Варфоломей (Бартоломео) Растрелли, которому довелось стать законодателем российской архитектурной моды середины XVIII века, вошел в историю города прежде всего как автор собора Смольного монастыря и великолепных дворцовых комплексов.
Ансамбль Смольного был задуман в традициях русских монастырских комплексов: в центре огромного двора, огражденного по периметру протяженным монастырским зданием, находился пятиглавый собор.
На счету Растрелли, кроме всемирно известного Зимнего дворца – дворцы Воронцова и Строганова, а также Большой дворец в Петергофе и Екатерининский дворец в Царском Селе. Зодчий привнес в Петербург впечатляющую монументальность и роскошную барочную декоративность.
Вместе с тем композиция его произведений безупречно ясна, а облик вполне безмятежен и скорее оттеняет исполненную страстей природу, чем выражает ее необузданную и неуправляемую сущность.

Во второй половине века уже сформировавшийся архитектурный центр Петербурга потребовал законченного оформления набережной Невы. Берега облицевали гранитом от «Летнего дому до Галерного двора», а Летний сад отделили от проезжей части великолепной художественной оградой. Ведущим проектировщиком решетки стал Юрий Фельтен, руководитель строительства набережной. И решетка, и гранитные набережные превратились в неотъемлемую черту города, вступавшего в новое столетие.
Завершил историю петербургского зодчества XVIII века Михайловский замок. Его общий замысел и первые планировочные эскизы принадлежали лично

Строгановский дворец
The Stroganov"s Palace

space decisions. Later it became a charter of immunity for Petersburg architecture: the growing city could renew not destroying the checked in Peter's time rational and effective proportions.
Petersburg acquired it's own morphology and logic which subdued stylistic craze but left space for innovations. That's why today it represents not a collection of copies but an exposition of achievements of European architectural thought which displayed itself on the Russian ground.
Foreign architects worked under difficult conditions but the mental space of the city invariably assisted their creativity.

The Petersburg phenomenon consists of that the appeared together with the city architecture rooted itself in it's substance and the houses which were constructed hundreds years later involuntarily submitted not only to the rules of building but also to the image of the city.

Economical reasons which made architects

План Смольного монастыря
The Smolny Convent

Варфоломей (Бартоломео) Растрелли

Bartolomeo Rastrelli

императору Павлу I, а строительство осуществлялось под руководством архитектора Винченцо Бренны, который переработал первоначальный проект дворца и создал художественную отделку его интерьеров. В 1800 году в день Святого Архангела Михаила замок был торжественно освящен, но работы по его внутреннему убранству продолжались еще около года.

Неудивительно, что эпоха классицизма стала для города на Неве периодом расцвета: неистребимый петербургский рационализм был идеальной основой для выверенной гармонии классицистических строений.
Новый стиль сформировался и утвердился в Петербурге благодаря Жану-Батисту Валлен-Деламоту, посланнику передовой французской архитектуры, который был и проектировщиком, и педагогом.
Горячий сторонник классицизма и потомственный архитектор, Валлен-Деламот одарил Петербург зданиями, сочетавшими новую эстетику с приемами, уже прижившимися в городе. В частности, проектируя Большой гостиный двор, он использовал план, разработанный Растрелли, и окружил здание галереями, популярными в столице с петровских времен.
Вместе с тем наиболее впечатляющее творение архитектора – утвержденный в начале 1764 года проект Императорской академии художеств, отразил философию просвещения со всей полнотой и самостоятельностью.
Французский зодчий включил Петербург в орбиту европейской архитектурной жизни. Город шел в ногу со временем, внимательным не только к дворцам, но и к общественным сооружениям.

Изысканный и гуманный ранний русский классицизм через некоторое время сменился более торжественным и деспо-

to simplify the baroque motives were overcome with time. But even many years later the severe Baltic sea and the formed conventions of the design left their imprint on the Petersburg style.
The son of Italian sculptor Bartolomeo Rastrelli who was destined to become a legislator of Russian architectural vogue of the XVIII century entered the history of the city as the author of Smolny cathedral and splendid palace complexes.
Smolny ensemble was designed in traditions of Russian convents: the cathedral with five cupolas is situated in the centre of the large yard surrounded by the building of the convent.
Besides the world-known Winter Palace Rastrelli has to his credit the palaces of Vorontsov and Stroganov, the Peterhof Palace and Catherine Palace in Tsarskoe Selo. This architect brought to Saint-Petersburg imposing monumentality and rich baroque decorations.
Nevertheless his compositions are irreproachably clear and their appearance is quite serene rather being in contrast with the elemental passions than reflecting the nature's unbridled forces.

In the second half of the century the already formed architectural centre of Petersburg demanded the final design of Neva embankment. The banks «from Summer garden up to Galley's House» were faced with granite and Summer garden itself was separated from the street with a beautiful grille. It's designer was Yuri Felten who was the leader of embankment's building. The grille and granite embankments became the inalienable feature of the city which was entering the new century.
The history of Petersburg architecture of the XVIII century was completed with Mikhailovsky castle. It's general design and first sketches were made by emperor Paul I himself, and the construction was directed

тичным «строгим» стилем, смотревшим на античность сквозь палладианскую призму. Такой взгляд подразумевал эстетическую сдержанность и градостроительный размах. И то и другое было у Петербурга в крови, поэтому концепция итальянского дворянина Джакомо Кваренги оказалась востребованной и пережила не одну реинкарнацию.

Кваренги возвел каноны строгого классицизма в универсальную норму. Открытые композиции и немногочисленные архитектурно-пластические модули придавали его архитектуре адаптивность, особенно уместную в городе, изначально приветствовавшем типовое строительство.
С 1783 по 1814 год по его проектам в Петербурге было выстроено множество общественных зданий, в том числе Академия наук, Ассигнационный банк, Эрмитажный театр, Екатерининский и Смольный институты, а также Конногвардейский манеж Но это не меняет сути дела: все сохранившиеся постройки Кваренги активно эксплуатируются и с полным основанием считаются знаковыми.
Ни сам архитектор, ни его выдающиеся коллеги – Чарльз Камерон и Иван Старов – не стремились сознательно привязать «новинки» к существующей застройке. Однако их неоспоримая ритмичность обеспечила интуитивно понятную связь с градостроительной природой Петербурга. Вряд ли стоит упрекать Кваренги за однообразие: напротив, в нем заключена сила, которую можно правильно оценить только с большой временной дистанции.
Чарльз Камерон был уроженцем Шотландии, но до приезда в 1779 году в Россию жил в Италии, где изучал произведения античной архитектуры, особенно углубленно занимаясь римскими термами. Эта исследовательская деятельность

by the architect Vincenzo Brenna who refined the original project of the palace and designed the interior decor. In 1800 on the day Archangel Mikhail the castle was consecrated but the works on it's decoration lasted for another year.

It's not a surprise that the era of classicism became the golden age for the city on the banks of Neva: ineradicable Petersburg rationalism was an ideal basis for the precise harmony of classical buildings.
The new style formed and took root in Petersburg with the help of a Frenchman Jean-Baptiste-Michel Vallin de la Mothe who was an envoy of the advanced French architecture and combined the professions of the designer and the pedagogue.
An ardent advocate of classicism and hereditary architect Vallin de la Mothe endowed St. Petersburg with the buildings which combined new aesthetics with the accustomed

Чарльз Камерон
Charles Cameron

Конногвардейский манеж
The Konnogvardejsky Manege

methods. For example in his design of Gostiny dvor he used Rastrelli's plan and surrounded the building with the galleries which were popular in the capital from Peter's time. But the most striking creation of the architect was the Academy of Fine Arts on the Vasilievsky Island embankment. It's design approved in 1764 reflected the philosophy of Enlightment in all it's fullness and independence.

Петербург подчинен горизонтальным линиям. Если в нем есть вертикали, то это — перпендикуляры, возведенные к горизонтальным линиям.

Это — три шпиля: Адмиралтейский, Петропавловский и Инженерного замка. Они подчеркивают горизонтальность Петербурга.

Этим же объясняется и прямизна петербургских улиц, потому что в гористой, неровной местности нельзя сделать таких прямых улиц, какие существуют в Петербурге. Прямизна всей планировки связана с этим же. Это единая система Петербурга, которой не имеет ни один город.

Дмитрий Лихачев из статьи «Небесная линия» города на Неве»

Камерона, отраженная в его научном трактате о римских банях, отчасти предопределила профессиональное мастерство архитектора. Имя Камерона в первую очередь связано с Павловском и Царским Селом. Его наиболее значительная работа – группа сооружений, в которую входили корпус Холодных бань с Агатовыми комнатами, висячий сад и открытая галерея, за которой сохранилось имя ее строителя. Кроме того, он автор отделки нескольких помещений Екатерининского дворца.

Его современник, русский архитектор Иван Старов, создал Таврический дворец, реконструировал территорию Александро-Невской лавры, построил ее главное здание — Троицкий собор и организовал парадный въезд. Ворота с надвратной церковью и расположенная перед ними круглая площадь стали достойным завершением Невского проспекта.

Стиль империи во многом соответствовал петербургским амбициям и насущным задачам. Зодчим приходилось работать с оглядкой на сформировавшуюся среду и довольно плотную застройку.

Новые ансамбли заведомо проектировались как градостроительные, определяющие судьбу города в целом. Для этого понадобились мощные интеллектуальные ресурсы и финансовые возможности, которыми в то время располагал, пожалуй, только Петербург. С другой стороны, хотя ампирный пафос импонировал государству, по-прежнему выступавшему в роли основного заказчика, исходный французский стиль был слишком жестким и холодным. В результате равноправными созидателями петербургского ампира стали русские архитекторы Андреян Захаров и Андрей Воронихин. Вместе с Жаном Тома де Томоном они сформировали градостроительное ядро как систему архитектурных ансамблей.

Vallin de la Mothe included Petersburg in the orbit of European architectural life. The city lived in accordance with time paying attention not only to construction of palaces but also to public buildings.

Refined and human early classicism made place for more ceremonial and despotic «strict» style which looked at the antiquity through the Palladian prism. This approach assumed aesthetic restraint and wide scope of construction. Both of these were immanent to St. Petersburg that's why the conception of the Italian nobleman Giacomo Quarenghi was claimed for and survived several reincarnations.

Quarenghi made the norms of strict classicism into the universal law. Open compositions and not numerous architectural-plastic moduli made his architecture adaptive which was especially appropriate in the city where house planning on a mass scale was welcome from the very beginning.

From 1783 up to 1814 he designed in St. Petersburg a great number of public buildings including Academy of Sciences, Exchange, Hermitage theatre, Smolny and Catherine's Institutes and Manezh. The remaining buildings by Quarenghi actively operate and can be regarded as the symbols of the city.

Nor Quarenghi neither his outstanding colleagues Charles Cameron and Ivan Starov tried to link their innovations with the existing buildings but their unquestionable rhythm provided a link with traditional Petersburg city-building which is felt on the intuitive level. Hardly we can reproach Quarenghi with monotony: to the contrary it possesses the strengh which can be appreciated only form a large temporal distance.

Charles Cameron was a native of Scotland and spent much of his youth and Training in Rome, among other things excavating the Imperial Thermae at the behest of Pope

Первый развернутый ансамбль спроектировал французский архитектор: здание Биржи с Ростральными колоннами и набережной стрелки Васильевского острова стало архитектурным маяком классического города. При этом, несмотря на вполне прозаическое назначение сооружения, Тома де Томон в полной мере воплотил в нем идею синтеза искусств, и воздействие его труда на культурный климат северной столицы действительно невозможно переоценить.
Практически параллельно строилось Адмиралтейство архитектора Андреяна Захарова – более строгое, чем комплекс Биржи, но не менее выразительное. Работая над его фасадом, зодчий применял довольно простые приемы, вытекающие из отточенной ордерной системы. Адмиралтейство превратилось в камертон, по которому выверялась парадная столичная архитектура.
Несколько раньше, в 1801 году, выигравший архитектурный конкурс Андрей Воронихин приступил к строительству Казанского собора. В отличие от Жана Тома де Томона, также участвовавшего в соревновании и отдававшего приоритет древнегреческим истокам классицизма, русский архитектор тяготел к римскому ренессансу. Полуциркульная коринфская колоннада собора образовала на Невском проспекте площадь.
Кроме того, Воронихин завершил набережную Васильевского острова со стороны моря: проектируя Горный институт, он объединил невысокие дома и оформил фасад обращенным к Неве монументальным порталом.

Русские архитекторы глубоко проникались идеями классицизма. Даже первые работы Василия Стасова имели градостроительное значение, предваряя композиционные решения Карло Росси. Используя главным образом дорическ-

Clement XIII. This scientific activity reflected in his treatise about Roman Thermae predisposed his architectural mastership. First of all the name of Cameron is linked with Pavlovsk and Tsarskoe Selo. His most outstanding creation is the complex of constructions including Cold Thermae with Agate Rooms, hanging garden and opened gallery called after it's author. Beside he decorated several rooms in Catherine's Palace.

His contemporary Ivan Starov designed Tauride Palace and reconstructed the territory of Alexander Nevsky monastery building it's main construction Trinity Cathedral and forming it's main entrance. The gates with the church situated above them and a circular square became the deserving completion of Nevsky prospect.

The Empire style corresponded with Petersburg ambitions and vital aims. The architects had to work taking into account the existing environment and thoroughly dense building.
New ensembles were designed to determine the fate of the whole city. It demanded high intellectual resources and financial possibilities which were available at the time only in St. Petersburg. From the other hand although Empire inspiration impressed the state which remained the main client of architectural designs the original French style was too severe and cold. As a result Russian architects Zaharov and Voronikhin became the equal co-founders of Petersburg Empire. Together with Thomas de Thomon they formed the city-building nucleus as the system of architectural ensembles.

The first large-scale ensemble was designed by the French architect: the building of Exchange with two large rostral columns and granite embankment with arcing stone ramps leading to boat landings on strelka of Vasilievsky Island became «the beacon» of

Petersburg
is subordinated by
horizontal lines.
Any verticals are
perceived as
perpendiculars
to the horizontal lines.
Precisely there are three
spires – Admiralty,
Peter and Paul's and
one of the Engineers'
Castle. They underline
the horizontality
of Petersburg.
The straightness of
Petersburg streets is
also explained by it,
because it's impossible
to build such straight
streets in hilly rugged
country. And the
straightness of whole
design is associated
with this quality.
It is a common system
of Petersburg which is
lacked by any other city.

Dmitry Likhachev «Celestial line of the city on the banks of Neva»

Андрей Воронихин
Andrey Voronihin

Казанский собор
The Kazan Cathedral

кий ордер, Стасов придавал своим произведениям строгое и торжественное звучание, естественное для памятников русской военной славы – Нарвских и Московских триумфальных ворот. По проектам Стасова построены Троицкий (Измайловский) и Спасо-Преображенский соборы, он достраивал Смольный собор и оформил его интерьер.
Оригинальность отдельных сооружений, созданных в этот период, можно оспаривать, но уникальный статус северной столицы неоспорим: здесь сложился совершенный организм, способный вбирать в себя и переваривать на свой лад плоды передовой европейской архитектуры. Венцом этого процесса стали ансамбли, созданные Карлом Росси.

Талант Росси разворачивался в Петербурге постепенно, однако даже в скромных павильонах Аничкова дворца он заявил себя как монументалист. За ними последовал Елагин дворец, а в 1819 году архитектор приступил к строительству Михайловского дворца (ныне Русский музей).
Росси запроектировал площадь, раскрытую к Невскому проспекту с помощью специально проложенной улицы. Композиция охватила все пространство от главного здания до главного городского проспекта.

classical city. Although this building was intended for quite prosaic purposes Thomas de Thomon to full extent realized in it the idea of arts' synthesis and one hardly can overestimate the influence of his creation on the cultural climate of the northern capital. Practically simultaneously Andreyan Zaharov was constructing the new Admiralty. It was a more strict building in comparison with a «landscape» Exchange complex but not less expressive. In contrast with complex composition the architect used relatively simple methods issuing from a fine order system. Admiralty became a tuning fork according to which gala architecture of the capital was modelled.
A little bit earlier in 1801 the winner of the architectural competition Andrey Voronihin started the construction of the Kazan cathedral. Unlike Thomas de Thomon who also participated in the competition but preferred the ancient Greek sources of classicism Russian architect had a propensity for Roman Renaissance. And unlike Zaharov he staked on a laconic composition enriched by effective decoration. Semicircular Corinthean colonnade of the cathedral formed a semi-circular square on Nevsky prospect. Besides Voronikhin had completed the seaside embankment of Vasilievsky Island: designing the Mining Institute he united small buildings, added to them another one, featuring a portico with twelve Doric columns.

Russian architects were deeply imbued with the ideas of classicism Even the first creations of Vasily Stasov had a city-building value anticipating compositional decisions of Carlo Rossi. Using mainly the Doric order Stasov gave to his creations strict and solemn image which was natural for the monuments of Russian military glory such as Narvsky and Moscovsky triumphal gates. Stasov designed Trinity (Izmailovsky) and Transfiguration cathedrals, he completed Smolny cathedral and decorated it's interior.

Параллельно архитектор занимался перестройкой домов, окаймлявших часть Дворцовой площади. Эта прозаическая задача в трактовке Росси превратилась в глобальную: он полностью организовал не только площадь перед Зимним дворцом, но и соприкасавшиеся с ней улицы и даже соседние площади. Колоссальное здание Главного штаба, прорезанное знаменитой двойной аркой, загибалось на Мойку.
Позже, в 30-е годы, Росси преобразил целые кварталы: первый комплекс вырос вокруг нового театра на Невском проспекте, а второй сформирован зданиями Сената и Синода.

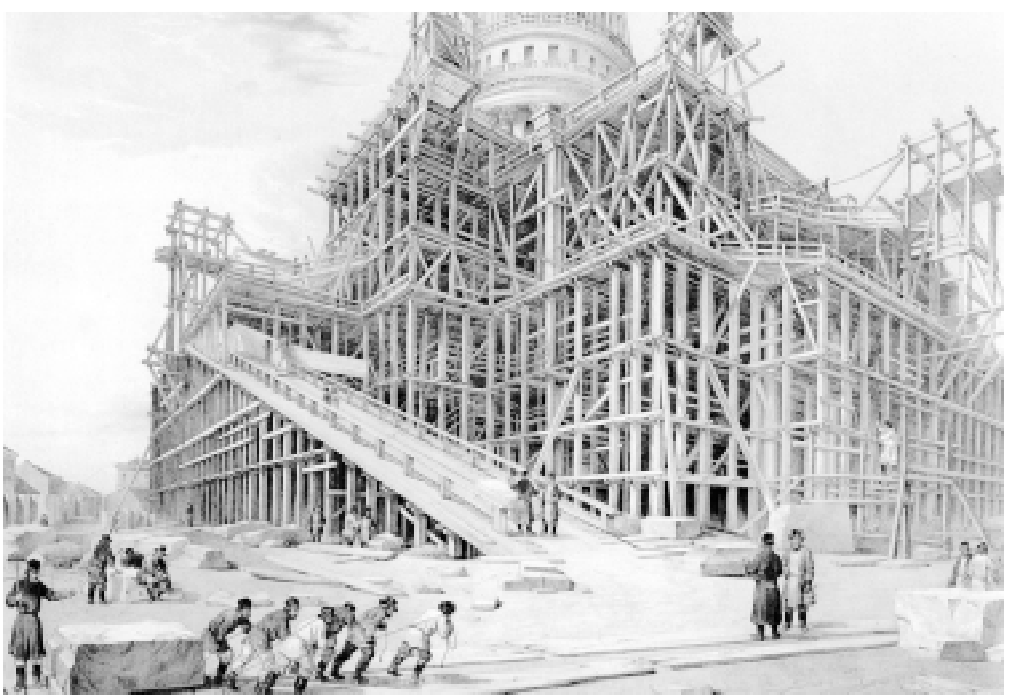
Произведения зодчего – ценность не только контекстуальная, но и общеевропейская. Игорь Грабарь предсказывал: «...настанет время, когда будут приезжать смотреть эти великолепные произведе-

The originality of separate constructions built in that time can be questionable, but the unique status of the northern capital is indisputable: the perfect organism capable to absorb and to digest the fruits of the advanced European architecture was formed here. This process was crowned by the ensembles designed by Carl Rossi.

Rossi's talent has been developing in St. Petersburg gradually but even modest pavilions of Anichkov palace present him as a monumentalist. His next creation was the Elagin's palace and in 1819 he started the construction of Mikhailovsky Palace where Russian Museum is situated nowadays.
Rossi designed the square which was opened to Nevsky prospect with the help of specially laid street on which double houses were situated. Absolutely symmetrical composition enveloped the space between main building and the main city prospect.

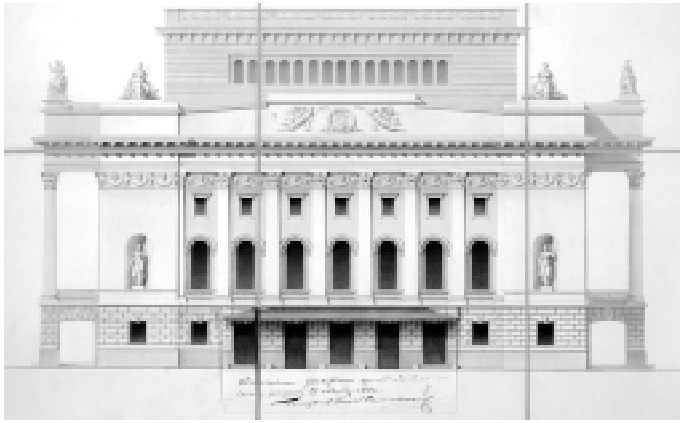
Карл Росси
Carl Rossi

Огюст Монферран
Auguste Montferrand



Строительство
Исаакиевского собора

The construction
of the Isaac`s Cathedral



Александринский театр
The Alexander`s Theatre

ния Росси, как ездят смотреть мастеров ренессанса в Италию. Действительно, нельзя не вспомнить времен цезарей, глядя на безумную роскошь архитектора в его Театральной улице с Александрийским театром в глубине»...
Последний певец ампира, автор великолепной Александровской колонны и Исаакиевского собора Огюст Монферран был менее удачлив: его градостроительные замыслы остались на бумаге, а собор возводился мучительно долго. Зато архитектору удалось перекинуть мостик к историзму: учеником и помощником Монферрана был Андрей Штакеншнейдер, которому предстояло творить в изменившихся социальных и культурных условиях.
Разумеется, в середине позапрошлого века понятия «охраняемый архитектурный памятник» не существовало, но архитектурная память была живой и произрастала не только из материальных следов прошлого, но и из личных контактов архитекторов разных поколений.

Век, прозванный в России железным, вторгался в Петербург, подменяя диктат государства диктатом моды и частного капитала. Личные амбиции явно перекрывали общественные, коммерческие интересы – градостроительные.

Simultaneously the architect was engaged in reconstruction of the buildings surrounding Palace Square. Rossi turned this prosaic task into the global one: he entirely reconstructed not only the square in front of Winter Palace but also the adjoining streets and even squares. The enormous General Staff building with it's famous double arch faced Nevski.
Later in the 30-ies Rossi transformed several quarters: the first complex was built around new theatre on Nevsky prospect and the other was formed by Senate and Synod buildings.

His architectural creations are not only contextual treasures, they belong to the whole Europe. Igor Grabar predicted: «...there'll be the time when people will come to marvel at these magnificent creations of Rossi as nowadays they go to Italy to look at the masters of the Renaissance. Really one inevitably recollects the times of Caesar when he looks at crazy splendour of the architect realized in his Theatre street with Alexander's theatre in the depth».
The last representative of empire style and the author of magnificent Alexander's column and St. Issac's Cathedral Auguste Montferrand was less lucky: his city-building design remained unrealized and the cathedral was constructed for an agonizingly long period of time. In return architect managed to become a binding knot between empire and historical styles as his student and assistant became Andrei Shtakenschneider who was destined to work in the changed social and cultural conditions.
Undoubtedly there was no such a notion as «an protected architectural monument» in the middle of the XIX century but architectural memory was alive and fed not only on material remnants of the past but also on personal contacts of the architects of different generations.

Но город устоял: сложившаяся высокая архитектурная культура оказалась достаточно крепкой, чтобы защитить его от чрезмерного напора инвесторов, и достаточно гибкой, чтобы принять новую реальность.

Вторая половина столетия стала временем грандиозной «экскурсии» в прошлое архитектуры. Вопрос о том, почему в авангарде историзма шли преимущественно «русские немцы», остается открытым, но так или иначе именно они определяли застройку северной столицы накануне и во время капиталистического строительного бума. Возможно, потому, что новое время предъявляло особые требования к инженерной стороне дела, в которой выходцы из Германии были традиционно сильны.

Впрочем, охлаждение к идеалам классицизма не привело к тому, что в Петербурге перестали возводить дворцы. Другое дело, что заказчики, даже принадлежавшие к царской фамилии, видели их как роскошные строения, образно не связанные с идеей государственности. В таком ключе Штакеншнейдером был построен комплекс Николаевского дворца на Благовещенской площади и Ново-Михайловский дворец на Дворцовой набережной. Необарокко воплотилось в особняке княгини Юсуповой, спроектированном Людвигом Бонштедтом.
Как пример неоренессанса можно привести великокняжеские дворцы Алексея Александровича и Михаила Михайловича, спроектированные Максимилианом Мессмахером. Своеобразное сочетание неоренессансного фасада и мавританского интерьера встречается во дворце сына Александра II, великого князя Владимира Александровича, построенном архитектором Александром Резановым. Анфиладу парадных помещений замыкает

The century which was called in Russia «iron» was invading St. Petersburg changing dictates of the state for dictates of vogue and private capital. Personal ambitions began to prevail over public ones and commercial interests over city-building.
But the city survived: high architectural culture was sufficiently strong to defend it from excessive pressure of the investors and sufficiently versatile for accepting of new reality.

The second half of the century became the period of extensive excursion to the architectural past. The question why the vanguard of historicism consisted predominantly of «Russian Germans» remains opened however that may be they determined the building of northern capital on the eve and during of capitalist building boom. Perhaps it can be explained by high standards of engineering which were demanded by new time and in which German natives were traditionally expert.
The lost interest in ideals of classicism did not mean that they stopped to construct palaces in St. Petersburg. Although the clients even from tsar's family preferred now luxurious mansions which were not connected with the idea of state system. In such a way Andrei Shtakenschneider has designed a baroque-Renaissance complex of Nikolaevsky palace on the Annunciation square and Novo-Mikhailovsky palace on the Palace embankment. More «clear» new baroque is represented by the mansion of the princess Yusupova designed by German native Ludwig Bonshtedt.

The palaces of Great Princes Alexey Alexandrovich and Mikhail Mikhailovich designed by Maximillian Messmacher are the examples of neo-Renaissance. The palace of the son of Alexander II Great Prince Vladimir Alexandrovich designed by Alexandr Rezanov in 1872-1874 presents a

Андрей Штакеншнейдер
Andrei Shtakenschneider

Александр I
на фоне Петропавловской
крепости

Alexander I
against the background
of Peter and Paul Fortress

мавританский будуар. Стены и потолок, отделанные причудливым геометрическим и растительным орнаментом, прекрасно сохранились до наших дней без каких-либо утрат и переделок.

Правда, влияние подобных построек на реальный облик Петербурга было избирательным: во-первых, они изначально не претендовали на градостроительную роль, а во-вторых, изменилась сама типология строений: наступавшие на особняки доходные дома подавляли их своей массой.

Буржуазный Петербург строился очень быстро и плотно, внутренние флигели загромождали некогда просторные петербургские дворы, а в многоквартирных домах бытовала система двойного и тройного найма, окончательно подрывавшая имущественную и сословную сегрегацию. Вместе с тем домостроительная стихия не смогла полностью поглотить славную петербургскую архитектуру, хотя и заслонила былой парадиз Петербургом Достоевского.
Более того, город и в этой ситуации сохранил европейский дух, проявлявшийся преимущественно в романтическом северном модерне и неоклассике.

Архитектор Федор Лидваль, происходивший из шведско-датской семьи, отдал дань обоим направлениям. Его первым программным произведением стал доходный дом на Каменноостровском проспекте, возведенный на переломе веков. После этого Лидваль спроектировал несколько многоквартирных домов и жилых комплексов на Петербургской стороне, а также в центре города.
В трактовке архитектора модерн был планировочно связан с классической традицией, поэтому во многих его произведениях отчетливо звучит градостроительная нота. После 1907 года зодчий все более склоняется к неоклассике, проектируя

unique combination of neo-Renaissance facade and Moresque interior. The suit of gala rooms is completed with Moresque boudoir. The walls and the ceiling decorated with whimsical geometric and vegetable ornament preserved up till nowadays without losses.

However these buildings had a chosen influence on the real appearance of Petersburg. First of all from the very beginning they did not pretend to have a city-building importance, and secondly the typology of buildings itself has changed in 1880-ies: the rents overwhelmed mansions.

Bourgeois Petersburg was built very dense and quickly: the inner outbuildings encumbered spacious in former times Petersburg yards and the flats in the apartment houses were rented on a multiple basis which finally destroyed social and property segregation.
Nevertheless the house-building element could not engulf the glorious Petersburg architecture although the former paradise was overshadowed by Dostoevsky's Petersburg. More over even in this situation the city preserved the European spirit which presented itself in romantic northern modern and neo-classicism.
Architect Fedor Lidval who was a descendant of Dutch-Swedish family paid tribute to both trends. The rent house built on Kamennoostrovsky prospect on the turn of the centuries became his first program creation. After it Lidval designed a great number of apartment houses on the Petrograd Side and in the centre of the city.
In his designs he linked modern style with classical tradition that's why many of his creations had a clear city-building character. After 1907 the architect became more inclined towards classics designing banks, hotel «Astoria», numerous apartment houses and a magnificent mansion of Swedish

Федор Лидваль
Fedor Lidval

банки, гостинцу «Астория», многочисленные жилые дома и превосходный дом шведского промышленника Нобеля на Лесном проспекте. Лидваль работал в Петербурге вплоть до Первой мировой войны, а его ученики впоследствии стали видными советскими архитекторами.
Последним отблеском европейского пламени в Петербурге стало творчество великого немецкого архитектора Петра Беренса, который был учителем Ле Корбюзье, Вальтера Гропиуса, Людвига Мис ван дер Роэ. По его проекту на Исаакиевской площади в 1913 году было построено здание Германского посольства, монументальное, но очень сдержанное и потому подвергавшееся сокрушительной критике.

Вскоре после революции 1917 года окно в Европу закрыл железный занавес. Но город, выросший в европейских традициях, остался звеном, приобщавшим к европейской архитектуре всю страну.

manufacturer Nobel on Lesnoy prospect. Lidval worked in Petersburg till World War I and later his disciples became the outstanding Soviet architects.
The last sparkle of European flame was a creative work of great German architect Peter Berens who was the teacher of Le Corbusier, Walter Gropius and Ludwig Mys van der Roe became the last spark of European flame. In 1913 he designed the building of German Embassy on St. Isaac's square. It was a monumental but very modest building and that's why it became an object of shattering critic.

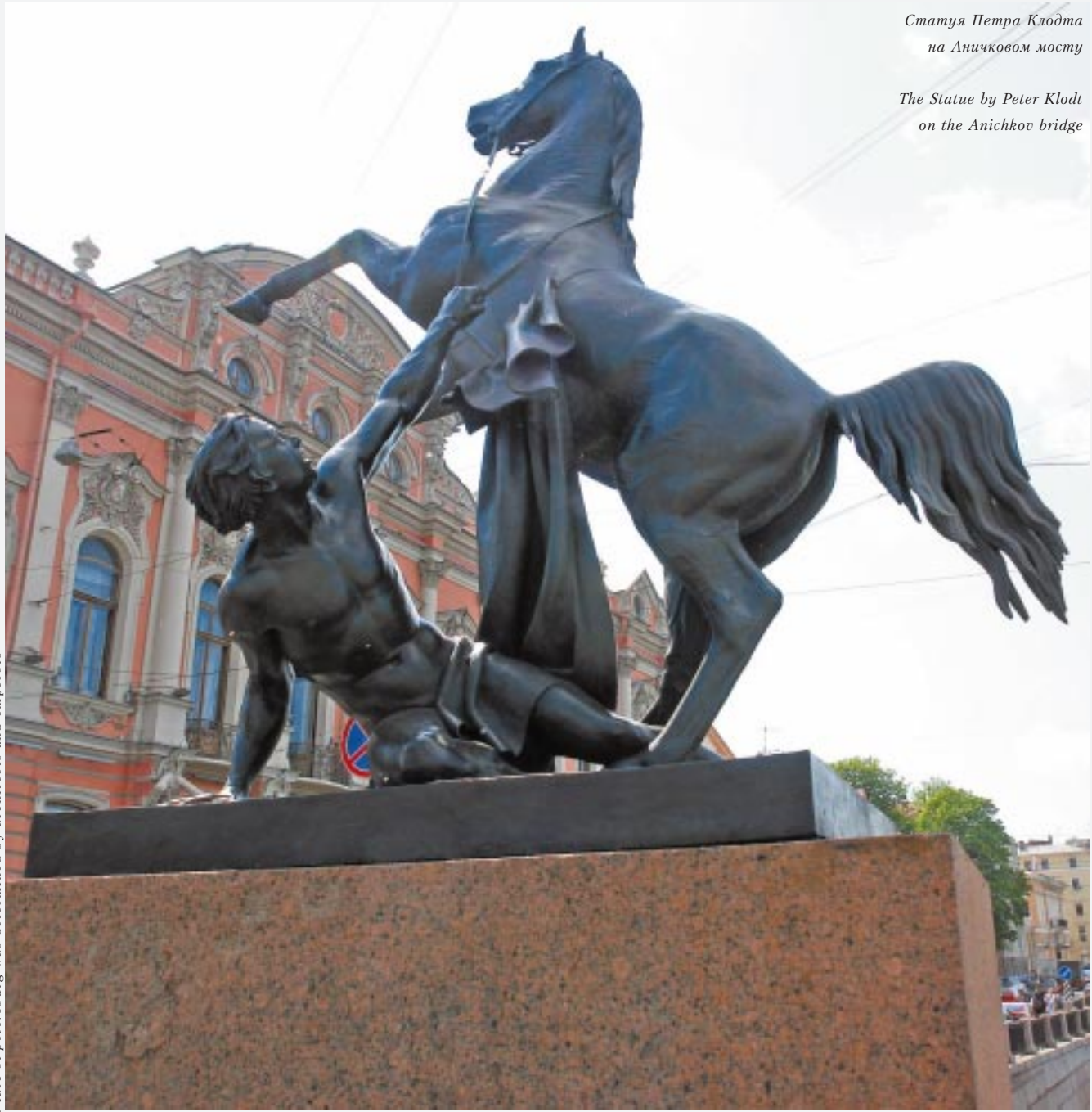
Soon after the revolution of 1917 the iron curtain closed the window to Europe. But the city which has grown on European traditions remained the link which gave the whole country access to European architecture.

Гостиница «Астория»
The «Astoria» Hotel

Памятник Петру I
перед Михайловским замком

The Monument to Peter I
in front of Michael`s castle

Декоративное убранство стен
Михайловского замка
The decoration of the walls
of the Michael`s castle



Статуя Петра Клодта
на Аничковом мосту

The Statue by Peter Klodt
on the Anichkov bridge

Вид на Зимнюю канавку
The View to the Winter Channel

Гостиный двор. Угол Садовой улицы
и Невского проспекта

The Merchant`s Arcade. The crossroad of the
Sadovaya Street and Nevsky Avenue

Дворцовая набережная у Эрмитажного театра
The Palace Embankment near Hermitage Theatre

Собор Смольного монастыря
The Smolny Convent`s Cathedral

Никольский собор. Вид с Садовой улицы

The St. Nikolas Cathedral.
The view from Sadovaya Street

Казанский собор на Невском проспекте.
The Kazan Cathedral on the Nevsky Prospekt

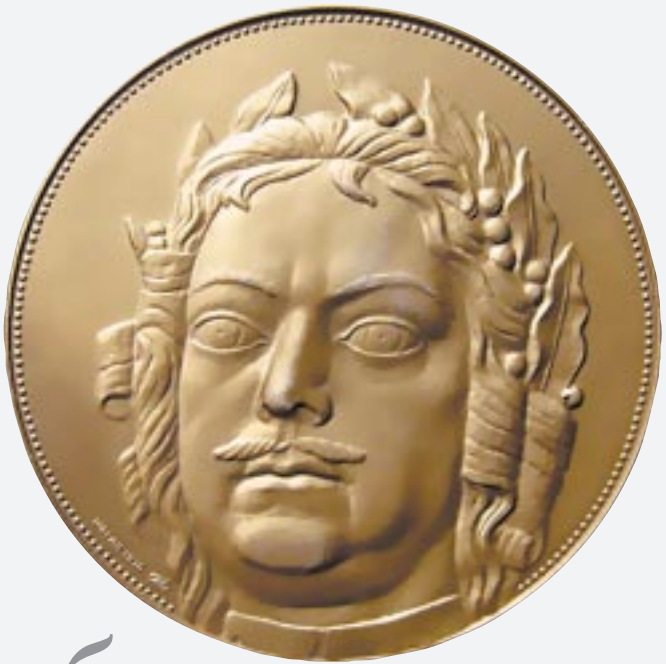
Санкт-Петербург, означает город-космополит, город, поставленный под особое покровительство того святого, который уже раз осенил идею мирового духовного владычества — это означает «второй» или «третий» Рим. Самая несуразность соединения сокращенного латинского sanctus и слов германского звучания «Петер» и «Бург», как бы символизирует и подчеркивает европейскую, вернее, космополитическую природу Петербурга.

Александр Бенуа
из книги «Жизнь художника»

Saint-Petersburg is the cosmopolitan city, it is protected by the saint who had blessed the idea of the world-wide spiritual dominion, which means «the second» or «the third» Rome. The mere uniting of contracted Latin «sanctus» with words of German origin «Peter» and «burg» symbolizes and underlines European, or rather cosmopolite nature of Petersburg.

Alexander Benois
«The Life of an Artist»

3



*петер*бург в мире искусства

*peters*burg in the world of art

В сознании современников и тем более потомков Петербург «родился взрослым», как Афина из головы Зевса. Стремительное появление новой столицы было сопряжено с насилием и бесчисленными человеческими жертвами, которым не может быть оправдания.

Однако сам факт трехсотлетнего существования «умышленного» города доказывает продуктивность петровского замысла. И блистательную культуру Петербурга можно считать отражением идеи победительного творчества, положенной в его основание. Недаром горожане с упорством, доходящим до назойливости, выделяют в длинной череде государственных деятелей и людей искусства двух героев – Петра Первого как автора идеи города Святого Петра и преобразователя российской государственности и Александра Пушкина как автора совершенной литературной проекции Санкт Петербурга и преобразователя российской словесности...

Сознательно насаждавшаяся петербургская культура петровских времен ограничивалась преимущественно тремя направлениями. Параллельно и одновременно с закладкой на болотистых землях мощного градостроительного фундамента самодержец внедрял в практику европеизированную модель светской жизни и пекся об образовательном процессе – в рамках текущих нужд, но с замахом на будущее.

Город сразу стал не только мастерской, но и школой в самом широком смысле слова. Нетерпеливый и нетерпимый Петр вводил новые установления старыми средствами – и перемена платья, и участие в знаменитых ассамблеях, и образование отпрысков вменялось русской аристократии в обязанность и проходило под страхом нешуточных репрессий. Тем не менее многие новации, которые вбивались в общество, как сваи в грунт, при-

The contemporaries and especially descendants believed that Petersburg was born as «a grown-up» entity like Athena out of Zeus' head. The swift appearance of the new capital was associated with violence and heavy sacrifices which can't be justified.

But the fact of three hundred years existence of the «artificial» city proves the efficiency of Peter's vision. The glorious Petersburg culture can be regarded as a reflection of the idea of victorious creativity which was laid in it's basis. Not without reason the citizens with persistence bordering with stubbornness pick out in the long train of statesmen and literati two heroes – Peter I as the author of Petersburg vision and the reformer of Russian state and Alexander Pushkin as the author of the perfect literary projection of St. Petersburg and the reformer of Russian language...

The deliberately propagated culture of Peter's epoch was confined to three directions. Simultaneously with construction of powerful city-building basis on the swampy banks of Neva the monarch installed the European model of society life and took care of educational process which was oriented to the future.

From the very beginning the city became not only a workshop but also a school in the most general sense of the word. Impatient and intolerant Peter installed new regulations by old means: the duty of wearing European dress, participation in the Assemblies and giving education to the offspring was imposed upon Russian aristocracy on pain of severe repressions. Despite that many of these innovations which were driven home like piles took root and developed. For two hundred years St. Petersburg became the capital of vogue, arts and education and it's cultural space overgrew the limits of the city and the borders of Russian empire. The word «perspective» which was used in the beginning of the XVIII century to define a long and broad street because

Вижу, Севера Столица

Как цветник меж рек

цветет, –

В свете всех градов

царица,

И ее прекрасней нет!

Гаврила Державин, 1810

жились и впоследствии получили широкое развитие.

Санкт-Петербург по крайней мере на двести лет стал всероссийской столицей моды, образования и искусств, а его культурное пространство переросло пределы города и границы Российской империи. Слово «першпектива», употреблявшееся в начале XVIII века для обозначения длинной и широкой питерской улицы «потому что конца ее почти не видно», оказалось пророческим.

Михаил Ломоносов
Mikhail Lomonosov

Как и всякий новый город, Петербург был городом приезжих, и столичные функции распространили эту особенность по крайней мере на двести лет. Чиновная столица казалась средоточием возможностей. Карьерный рост, слава, богатство – все, что манило выходцев из разных городов и сословий, рождалось или могло родиться здесь.

Сюда по окончании славяно-греко-латинской академии приехал выходец из Архангельской губернии Михаил Ломоносов, универсальный гений, ученый и поэт. Здесь поступил солдатом в Преображенский полк девятнадцатилетний Гавриил Державин, уроженец деревни Кармачи Казанской губернии, в будущем – певец Екатерины II и министр юстиции.

В ту пору основной формой культурной проекции города был панегирик: первопроходцам российской художественной литературы Петербург представлялся чудом. И неудивительно: даже сегодня, в XXI веке, он поражает воображение отечественных провинциалов. Поэтому трактовать восторг писателей как неискренний, вызванный исключительно внешним давлением, вряд ли правильно. До поры до времени новизна покрывала город волшебным куполом, и, чтобы трезво взглянуть на ужасы действительности, необходимо было вырваться за его

«one could not see it's end» became prophetic.

As any new city Petersburg was a city of newcomers and it's functions of the capital made it a tradition for nearly two hundred years. Bureaucratic capital seemed to be the focus of possibilities. Career, glory and prosperity were thought to be gained precisely here.

Born a peasant in Archangel region, Lomonosov, a giant in Russian literature, academic life, science and the arts got his start here after graduation the Slavonic-Latin Academy in Moscow. Gavrila Derzhavin born in Kazan village Karmachi moved to St.Petersburg to enter the Preobrazhensky Guards. Later he became Minister of Justice and an apologist of Catherine's reign.

In this epoch eulogy was the main form of city's cultural projection as the pioneers of Russian literature regarded Petersburg as a miracle. It is not surprising because even now in the XXI century it startles the provincials. That's why it will be not correct to interpret the enthusiasm of the writers as insincere and being caused by external pressure. For a period of time the magic cupola of innovations covered the city shadowing the atrocities of reality so that it was necessary to break beyond it's not only physical but mental limits in order to have sober look at them. This was the case of Radischev whose «Journey from St Petersburg to Moscow» has terminated in Siberia. Unprecedented long reign of Catherine II once and for all and irreparably as it seemed at that time made the city on the banks of Neva the leader of the country. Mysterious and sudden death of her husband Peter III made the empress «to achieve what legitimate tsars have by right by hard labour, great service and sacrifices». Unlike the first Russian emperor she was a connoisseur of arts, had a philosophic bend of mind and wielded a formidable pen.

пределы – не только физически, но и ментально. Так поступил Александр Радищев, чье путешествие из Петербурга в Москву, как известно, закончилось в Сибири.

Рекордно длительное правление Екатерины II окончательно и, как тогда казалось, бесповоротно, закрепило за городом на Неве лидерство. Таинственная и внезапная смерть мужа, Петра III, побудила императрицу «тяжким трудом, великими услугами и пожертвованиями искупать то, что цари законные имеют без труда». При этом, в отличие от первого русского императора, она ценила изящные искусства, интересовалась философией и прекрасно владела пером.

Разумеется, Екатерина не была первой российской интеллектуалкой. Но она стала первой женщиной, открыто претендующей на интеллектуальное лидерство. Именно в ее царствование столица повернула от утилитарной культуры к всеобъемлющей.

Взошедшая на престол в результате заговора модница возвысила в глазах элиты литературный труд, приобрела шедевры европейской живописи, ставшие основой знаменитой эрмитажной коллекции, и, наконец, попыталась привести систему образования в соответствие с идеалами Просвещения.

Стимулом для успешного обучения стали гарантированные сословные привилегии. Теперь у столицы появился шанс получить приток людей с широким гуманитарным кругозором. В результате погруженный в бумагооборот бюрократический город на протяжении многих лет успешно генерировал культуру и искусства – «без отрыва от основного производства». Так при участии европейских ценностей родился сугубо петербургский феномен.

Реформам сопутствовало стремление опереться на авторитет основателя Петербурга. Конечно, Екатерина была не первой русской интеллектуалкой. Но она стала первой женщиной, открыто претендующей на интеллектуальное лидерство. Именно в ее царствование столица повернула от утилитарной культуры к всеобъемлющей.

Surely Catherine was not the first Russian intellectual. But she became the first woman pretending for intellectual leadership. Precisely in her reign the capital turned from utilitarian culture to comprehensive one.

Fashionable lady which came to the throne after the coup heightened the prestige of literary labour, acquired the masterpieces of European painting which became the nucleus of Hermitage collection and tried to bring the system of education into accord with the ideas of Enlightenment.

The guaranteed estates' privileges became the stimulus for successful education. The capital acquired a possibility to receive an influx of broad-minded humanitarians. As a result a bureaucratic city immersed into the rapid succession of documents for many years successfully generated culture and arts maintaining the main direction of it's development. In such a way with the help of European values a Petersburg phenomenon was born.

Екатерина II
Catherine II

The reforms were based on the authority of the founder of Petersburg. On the 7th August of 1782 the monument to Peter the Great designed by French sculptor Falconet at the order of Catherine was unveiled. «To Peter the First from Catherine the Second» was engraved on the cliff-pedestal. In such a way Catherine stressed their first-second continuity and her place as his heir which is disputable. But the monument became the undeniable and inalienable symbol of the city and it's stumbling-stone: Catherine legend about «Northern Palmira» merged with Peter's Sanktpeterburgh, and the burden of moral responsibility for unrealized Enlightenment utopia fell on the shoulders of a long dead emperor.

Absolute monarchy is fed on myths and northern capital was very susceptible to them. The legendary forms of comprehension of Petersburg got accustomed to such an extent that the later Petersburg art spent

тербурга. 7 августа 1782 года состоялось открытие монумента Петру Великому, выполненного по заказу императрицы французским скульптором Этьеном Фальконе.

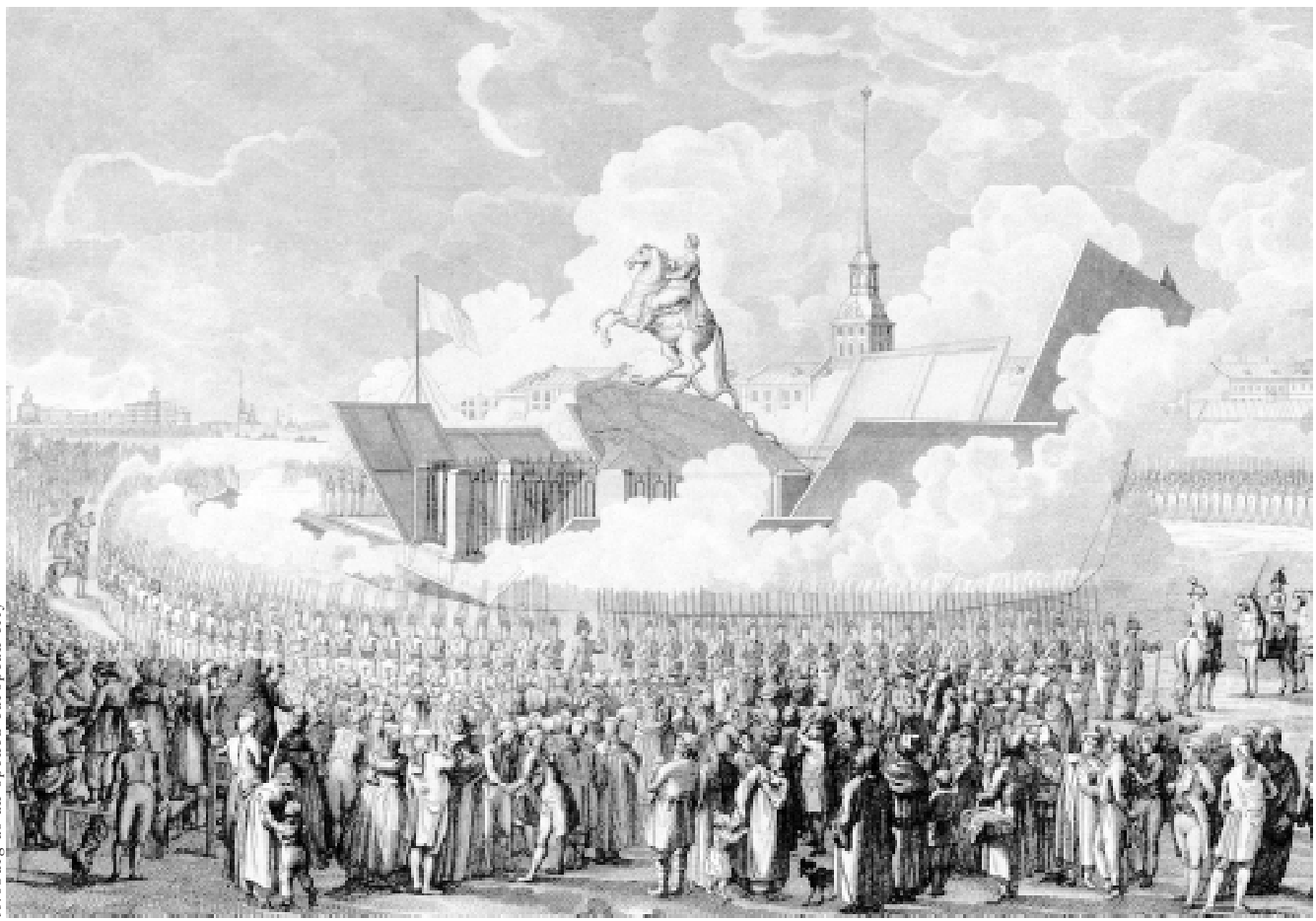
Надпись на грандиозной гранитной глыбе, служившей постаментом, гласила: «Петру Первому Екатерина Вторая». Таким образом Екатерина намекала на преемственность, которую на самом деле можно оспаривать. Зато подаренный городу памятник стал его бесспорным и неотъемлемым символом. И камнем преткновения: екатерининская легенда о

great forces for the struggle with the ghosts. The contradictory dogmas of European Enlightenment constantly troubled Russian soul. And the next century which turned the city's appearance into reflection of rationalism only aggravated the situation.

In the beginning of the XIX century Petersburg already was not so young as to arouse fascination and not old enough to be regarded as something ordinary. Few ones considered Neva banks as their motherland but a young man who was destined to become the main Russian writer and the main hero of

Открытие монумента Петру I. 1782

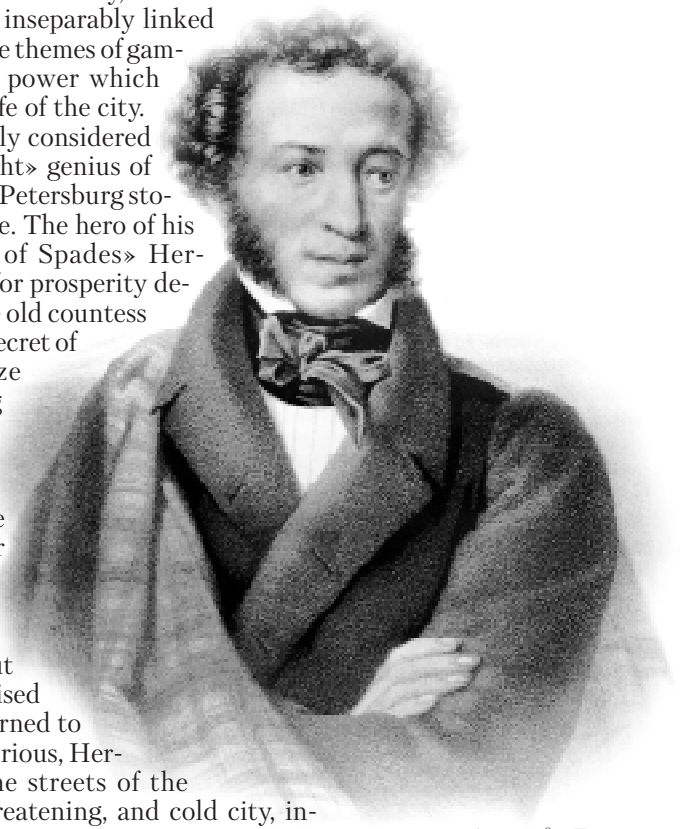
The inauguration of the Monument to Peter I. 1782



«северной пальмире» в культурном сознании намертво слилась с петровским Санктпитер Бурхом, и бремя моральной ответственности за нереализуемую просвещенческую утопию легло на плечи давно почившего в бозе императора.
Абсолютная монархия подпитывается прижизненными мифами, и Северная столица оказалась к ним крайне восприимчивой. Легендарные формы осмысления сущности Петербурга прижились до такой степени, что более позднее петербургское искусство потратило немало сил на борьбу с призраками. Противоречивые догматы европейского просвещения неизменно тревожили русскую душу. И следующее столетие, превратившее материальный облик города в зеркало рационализма, только подлило масла в огонь

К началу XIX века Петербург был уже недостаточно молод, чтобы вызывать восхищение самим фактом своего существования, и недостаточно стар, чтобы восприниматься как данность.
Невские берега мало кто считал своей родиной, но неподалеку, в Царском Селе, воспитывался юноша, которому суждено было стать главным российским литератором и главным героем петербургского культурного мифа. Александр Пушкин создал непереводимо прекрасные стихотворные и прозаические произведения. В них город, его творец и его вполне заурядные жители предстают в неразрывной связи с пронизывающими столичную жизнь темами игры, фатума и власти.
Поэта справедливо считают «светлым» гением, между тем его петербургские сюжеты мрачны. Герой повести «Пиковая дама», снедаемый жаждой обогащения Германн, нечаянно и напрасно губит старую графиню, якобы знающую секрет беспроигрышных карт. Однако выигрыш, обещанный призраком, оказывается при-

Petersburg cultural myth was growing up not far in Tsarskoe Selo. Alexander Pushkin created brilliant verses and prosaic works which are hardly can be translated to other languages. The city, it's founder and it's citizens are inseparably linked in them with the themes of gambling, fate and power which permeate the life of the city.
The poet is fairly considered to be the «bright» genius of the city but his Petersburg stories are macabre. The hero of his story «Queen of Spades» Hermann striving for prosperity demands from the old countess to tell him the secret of three all-prize cards pointing at her his gun and she dies in shock without revealing the secret. Later her ghost visits Hermann and tells him the three cards. But the prize promised by the ghost turned to be illusory. Delirious, Hermann walks the streets of the mysterious, threatening, and cold city, indifferent to his fate, and he goes mad. And a poor girl which was bred by countess became a petty tyrant. The same fate is destined to poor Eugene who lost the betrothed girl during the flood and blamed Peter for his misfortune.
The rationalist illusion of harmony was terminated – it can't oppose passions and elements. But the harmony itself is alive and Petersburg despite men's cruelty and weakness appears before us in an inimitable brilliance. Unlike his literary descendants Pushkin did not blame the city for the evils



Александр Пушкин
Alexander Pushkin

Над Невою резво вьются

Флаги пестрые судов;

Звучно с лодок раздаются

Песни дружные гребцов;

В царском доме пир

веселый;

Речь гостей хмельна,

шумна;

И Нева пальбой тяжелой

Далеко потрясена.

Александр Пушкин, 1835

зрачным. В финале повести молодой офицер сходит с ума, а бедная воспитанница антипатичной старухи сама становится мелкой тиранкой. Безумием разрешается и отчаяние бедного Евгения, потерявшего при наводнении любимую девушку и дерзнувшего угрожать «медному всаднику».

Подведена черта под рационалистической иллюзией гармонии – она не в силах противостоять ни страстям, ни стихиям. Но сама гармония жива, и Петербург, вопреки человеческой жестокости и слабости, предстает перед нами в неподражаемом великолепии. В отличие от пришедших ему на смену писателей, Пушкин не возлагал на город вину за изъяны человеческой натуры и мировоззренческие кризисы. Воспетый им Петрополь – это дар, возможно, незаслуженный, как и всякий дар свыше.

«Железный» век продемонстрировал удивительное свойство Петербурга. По расхожему мнению, холодный и казенный, он стал катализатором мощных и весьма эмоциональных всплесков в литературе и музыке. Вместе с тем, чрезвычайно эстетичный город не смог вдохновить российских живописцев, несмотря на прекрасно налаженную систему высшего художественного образования и практику стажировок в Италии. Возможно, потому, что он сам – произведение искусства. Концептуальные рамки академической и реалистической живописи позапрошлого века были для него тесны, и его истинно художественное отражение возникло гораздо позже, сперва – в графике Александра Бенуа и Мстислава Добужинского, затем – в живописи русских авангардистов.

А пока в культурном пространстве Петербурга царят другие музы, и литературный взгляд на столицу становится жестким и беспощадным. Отпрыск украинской помещицы Николай Гоголь видит его

of human nature and ideological breakdowns. Petropolis glorified by him is a present, possibly undeserved as any present from above.

The «iron» age revealed a wonderful quality of Petersburg. Being cold and bureaucratic according to common opinion it became a catalyst of powerful and highly emotional splashes in music and literature. At the same time the highly aesthetic city could not inspire Russian artists despite the wonderfully regulated system of art education and practice of probation in Italy. Perhaps it can be explained by the fact that city itself is an artistic creation. Conceptual limits of academic and realistic painting of the XIXth century were too narrow for it and it's really artistic reflection appeared much more later at first in graphic of Benua and Dobuzhinsky and later in the paintings of Russian vanguard artists.

But meanwhile other muses rule in the cultural space of Petersburg and a literary look at the capital became severe and unrelenting. The offspring of Ukraine gentry Gogol sees it's frightening duality, engaged in service system merchant Goncharov perceives it's unrelenting mechanical essence and impoverished aristocrat Dostoevsky believes that it has a misanthropic «design». The miracle turned into monster which was much more dangerous because it's grin was hidden behind the enchanting masque. The irritating ambitions, seductive beauty and internal tension hidden behind lined facades seem to challenge the provincial soul not accustomed to fighting. «Ordinary story» happens with unusually talented people and the imagined by them city for a long time overshadows the real one which we know thanks to memoirs and publicism...

Part of the body wonderfully liberated from the control of the whole organism and living by it's own quite successful although empty life is a metaphor of the capital which was realized by Gogol in his story «Nose».

ужасающую двойственность, вписавшийся в служебную систему выходец из купеческой среды Иван Гончаров – неумолимую машинерию, а бедный дворянин Федор Достоевский – человеконенавистнический «умысел». Чудо превратилось в чудовище, тем более опасное, что его оскал прячется под обольстительной маской. Раздражающая амбициозность, дразнящая красота и внутреннее напряжение, скрытое за упорядоченными фасадами, кажется, бросают вызов непривычной к борьбе душе провинциала. «Обыкновенная история» происходит с необыкновенно талантливыми людьми, и сотворенный ими город в сознании современников и потомков надолго затмевает реальный Петербург, известный нам по публицистике и мемуарам...

Часть тела, невероятным образом освободившаяся от контроля целостной личности и зажившая собственной, вполне успешной, хотя и пустой жизнью, – метафора столицы, найденная Гоголем в повести «Нос». Не царственный всадник, а пародийный призрак ограбленного чиновника пугает ее жителей. Сугубо социальный ракурс тут представляется слишком примитивным, ассоциации с Эрнстом Теодором Амадеем Гофманом – поверхностными. Автор петербургских повестей был скорее предшественником Франца Кафки, чем наследником немецкого мистицизма. И персонифицированный нос, и поглощенный мечтой о новой шинели Акакий Акакиевич олицетворяют не только фантасмагорию искривленного внешнего мира. Они – та сторона мира внутреннего, о которой мы предпочитаем не думать.

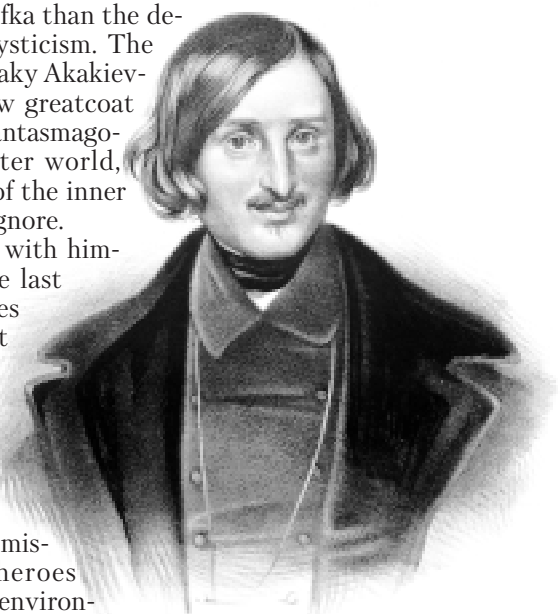
Человек, оставленный наедине с самим собой, лишенный последнего душевного прибежища, становится характерным персонажем другого великого прозаика. Известно, что Достоевский с величайшей тщательностью воспроизвел в своих ро-

Not the regal horseman but a comic ghost of robbed bureaucrat frightens the citizens. Purely social aspect seems rather primitive and associations with Ernest Theodor Amadeus Goffman are rather perfunctory. The author of «Petersburg stories» was rather a predecessor of Franz Kafka than the descendant of German mysticism. The personified Nose and Akaky Akakievich dreaming of the new greatcoat reflect not only the phantasmagoria of the distorted outer world, they embody that part of the inner world which we try to ignore.

The man left in private with himself and deprived of the last spiritual refuge becomes the hero of another great prosaic. It is a well known fact that Dostoevsky very accurately reproduced the topography of Petersburg which he did not like.

But this accuracy can't mislead the reader: the heroes placed in the authentic environment do not belong to the city – they arrive in it being pressed by circumstances and inner troubles. The author deprives them of nurture but feeds the passions including self-interest. Dickens saw his unhappy childhood in each London's corner. Dostoevsky similarly saw his unhappy youth in each Petersburg's corner.

Strictly speaking Pushkin's Hermann not burdened with his mother, sister and cares about the happiness of humanity is much more horrible than Raskolnikov who kills for philosophical reasons. Raskolnikov is closer and more understandable in his search of excuses. The surrounding backyards form the closed world in which a man has nowhere to go. But in reality there are communicating yards in St. Petersburg for the most part. As it is the shortest although



Николай Гоголь
Nikolai Gogol

Федор Достоевский
Fedor Dostoevsky

Есть у бога под луною
Много городов. Один –
Чудный град –
там над Невою,
Скачет конный исполин.
Как он светел,
как он ясен!
Символ Бога на земле!
Как Россия, он прекрасен!
Как она – тверд на скале!

Иван Клюшников, 1838

манах топографию нелюбимого им Петербурга.
Но эта скрупулезность не может ввести в заблуждение: помещенные в достоверную среду герои не «вытекают» из города, а, напротив, прибывают в него, гонимые жизненными обстоятельствами и внутренним беспокойством. Он отказывает им в еде, но дает пищу страстям, среди которых корысть занимает далеко не последнее место. Диккенс в каждом уголке Лондона усматривал свое несчастливое детство. Достоевский в каждом петербургском углу видит несчастную молодость.
Строго говоря, пушкинский Германн, не обремененный матушкой, сестрой и заботами о счастье человечества в целом, страшнее Раскольникова, подводящего под убийство философскую основу. Зато Раскольников в своем поиске оправданий гораздо ближе и понятнее. Окружающие его задворки образуют замкнутый мир, в котором человеку «некуда пойти». Однако в действительности петербургские дворы преимущественно проходные. Они представляют собой кратчайший, хотя и чреватый неприятными впечатлениями путь от одной улицы до другой...
Литераторы пребывали с Петербургом, впрочем, как и друг с другом, в сложных отношениях взаимного притяжения и отталкивания, доходившего до полного отторжения. Но литература поселилась в этом городе раз и навсегда и стала важнейшим элементом его культурного здания.

Светскую жизнь невозможно представить без музыки, и светский центр России, естественно, с младых ногтей включал ее в круг допустимых и даже желательных развлечений. Девятнадцатый век превратил Петербург в одну из музыкальных столиц Европы.
Искусство, не нуждавшееся в переводе, как ни одно другое, способно было раскрыть миру духовный потенциал отече-

not always pleasant way from one street to another one.
Literati had difficult relationships of mutual attraction and repulsion with the city. But literature inhabited this city from the very beginning and for ever became the most important part of it's cultural srtucture.

It is difficult to imagine society life without music, and it's quite natural that it was an allowed and even welcomed entertainment from the first days of city's existence. In XIXth century Petersburg became one of the European musical capitals.
The art which needed no translation was able to present to the world the spiritual potential of Russian culture. There appeared two different schools in St. Petersburg which with the unprecedented power expressed everything that inspired, tormented, and enlightened Russian soul. The ideological views of the members of New Russian Musical School and of Russian Musical Society who founded the first Conservatory in Russia were absolutely different. But music equalize everybody making patriots to applaud Tchaikovsky and cosmopolitans to cheer Modest Musorgsky.
It can be said that artistic nature itself opposed labeling: the program compositions of Mighty Five and especially Musorgsky had such innovative form that there social-critical basis was not recognized. From the other hand the exciting emotions of Tchaikovsky's creations were so strong that they gave no place for considerations of his «official» career.
This wonderful composer was strongly attracted by Pushkin's dramatic world outlook which became especially obvious in his later symphonic compositions. Musical tragedy in St.Petersburg was born thanks to Musorgsky. Tchaikosvsky transferred the native city into future which always seems to be dangerous on the turn of the ages, but Petersburg had special reasons for apocalyptic forebodings.

ственной культуры. В Петербурге появилась не просто школа, а точнее – две. Здесь с невиданной прежде силой выразилось все, что вдохновляло, мучило и просветляло душу россиянина. Идеологические установки представителей «Новой русской музыкальной школы» и музыкантов, создавших на основе музыкальных классов «Русского музыкального общества» первую в стране консерваторию, были диаметрально противоположными. Но музыка смешивала все карты, заставляя записных патриотов рукоплескать Петру Чайковскому, а «западников» – Модесту Мусоргскому.

Можно сказать, что сама природа искусства противилась навешиванию ярлыков: программные произведения членов «Могучей кучки» и особенно – Мусоргского были столь новаторскими по форме, что их социально-критическая подоплека просто-напросто не читалась. С другой стороны, захватывающая эмоциональность творений Чайковского не оставляла места для размышлений об «официозном» характере его музыкальной карьеры. Замечательный композитор очевидно тяготел к пушкинскому осознанию драматизма бытия, что особенно заметно в его поздних симфонических сочинениях. Музыкальная трагедия родилась в Петербурге благодаря Мусоргскому. Чайковский перенес город, в котором он учился, в будущее. На переломе веков оно традиционно представляется опасным, но у Петербурга были особые причины для апокалиптических предчувствий.

Культура конца столетия, пораженная ускорявшимся ходом времени, подменяла грядущие социальные катаклизмы природными катастрофами. Именно так Достоевский воспринял разрушительное мессинское землетрясение: писатель измерял им ценность стихов русского лирика Афанасия Фета.

The culture of the end of the century affected by increased speed of time substituted the future social cataclysms with natural catastrophes. Precisely in such a way Dostoevsky perceived the destructive earthquake in Messina: with it's help the writer estimated the value of verses of Russian poet Afanasy Fet.

The artificial city standing on swamps seemed to be especially vulnerable for elements that's why many believed that it was doomed. The classic allegory ceased to be polysemantic and became a real danger. This idea was newly ciphered by a popular in the beginning of the XX century poet Alexander Blok. His poem «Scythians» predicted the fight between civilizations which for a time was understood as a conflict between East and West. But the new century invented other collisions more original but not less bloody.

Nevertheless Petersburg culture managed to have another short but very important period of Renaissance which was so significant that thanks to Berdyaev it was called Silver age. The decline of empire caused a powerful wave of creativity which rose even fine arts to the European level.

Already in 1990-ies the graduates of the gymnasium of Karl May formed a creative circle which was called «Mir iskusstva» (The World of Art). It included Alexander Benois, the future critic Dmitri Filosofov, the future music critic Walter Nouvel, and the painters Konstantin Somov and Nikolai Roerich. Soon they were joined by others, including the artist Lev Rozenberg (soon to become famous as Leon Bakst, after his grandfather), Benois's nephew Eugene Lanceray, the half-English future writer and art critic Alfred Nourok, and Filosofov's cousin Sergei Diaghilev, a recent arrival from the provinces. The first edition of the magazine of the same name was published in 1898.

Модест Мусоргский
Modest Musorgsky

Петр Чайковский
Peter Tchaikovsky

Сергей Дягилев
Sergei Diaghilev

Стоящий на болотах подчеркнуто искусственный город казался особенно уязвимым для стихии, что в глазах многих обрекало его на неминуемую гибель. Классическая аллегория избавилась от многозначности и обернулась в сознании современников реальной угрозой. Перешифровал ее чрезвычайно популярный в начале XX века поэт Александр Блок. Его «Скифы» предвещали столкновение цивилизаций, которое на первых порах предпочитали трактовать как противостояние между Востоком и Западом. Однако новый век изобрел иные коллизии, более оригинальные, хотя и не менее кровавые.

И все же петербургская культура успела пережить очередной ренессанс, краткий, но настолько значимый, что с легкой руки философа Николая Бердяева его прозвали Серебряным веком. Закат империи вызвал к жизни могучую творческую волну, поднявшую на европейский уровень даже изобразительные искусства, например – станковую графику.

Еще в 90-е годы на основе кружка петербургских художников, выпускников частной гимназии Карла Мая, сложилось творческое объединение под названием «Мир искусства». В него входили Александр Бенуа, Вальтер Нувель и Дмитрий Философов, к которым позже присоединились Лев Бакст, Евгений Лансере, Константин Сомов и Сергей Дягилев. В 1898 году вышел первый номер одноименного журнала, изданный на средства российских меценатов.

Издание, представлявшее собой манифест российского изобразительного символизма, провело четкую параллель между европейским и русским художественным миром, и спустя некоторое время в объединении восторжествовал программный европеизм. Художники обратились к екатерининскому Петербургу: век Просвещения стал идеальным объек-

This edition being a manifest of Russian artistic symbolism drew a clear parallel between Russian and European artistic world and soon a program Europeism became a dominant trend in the circle. The artists addressed to Catherine's Petersburg – the age of Enlightenment became a perfect object for symbolic idealization and unconditional irony. The positive outlook of miriskussniki fed on the aesthetically perceived history of the city. The flight to the unreal Petersburg proved it's productivity, but real capital could not serve as a safe refuge and in 1920-ies the circle collapsed.

Petersburg literature of the Silver age was much more troublesome: it analyzed the gap between material life and it's ideal sense. Not without reason Russian symbolists Alexander Blok and Andrei Bely were passionately interested in philosophy basing on the writings of philosopher Vladimir Solovyev whom Blok called «the spiritual bearer». Moreover the duality of the world was presented for them by the duality of St.Petersburg which was divided into facade and the seamy side of life although it was able to unite bourgeois vulgarity with high mysticism of existence.

More young and spiritually healthy acmeists leaded by Nikolai Gumilev, Osip Mandelshtam, Mikhail Kuzmin and Anna Akhmatova managed without «coincidences» which were so loved by symbolists but did not avoid analogies underlining their link with Roman European culture. Their Petersburg like Rome fixed «the place of man» in universe not needing any explanations or excuses.

The further fate of the city confirmed the catastrophic prophesies and humanitarian self-determination. The final point in the official «Petersburg period» of Russian culture coincided with the transition of the capital to Moscow. Undoubtedly for those who left Russia the change of regime, the

том для условной идеализации и безусловной иронии. Позитивный взгляд «мирискусников» подкармливала эстетизированная история города на Неве. Бегство в несуществующий Петербург оказалось очень плодотворным, но реальная столица уже не могла служить надежным убежищем: в двадцатые годы группа прекратила свое существование.

Петербургская литература Серебряного века была гораздо беспокойнее: ее занимал разрыв между материалистической жизнью и ее идеалистическим смыслом. Недаром русские символисты Александр Блок и Андрей Белый страстно увлекались философией, опираясь на творчество философа Владимира Соловьева, которого Блок прямо назвал «духовным носителем». При этом двойственность мира для них прямо воплощалась в двойственности Петербурга, распадавшегося на фасад и изнанку и вместе с тем способного намертво склеить вульгарную буржуазность и высокую мистическую сущность бытия.
Более молодые и демонстративно здоровые духом акмеисты, среди которых лидировали Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Михаил Кузмин и Анна Ахматова, обходились без излюбленных символистами «соответствий», но не чуждались аналогий, открыто подчеркивая свою связь с романской европейской культурой. Их Петербург, подобно Риму, фиксировал «место человека во вселенной», не нуждаясь в дополнительных оправданиях и пояснениях.
Дальнейшая судьба города умудрилась сложиться и как подтверждение катастрофических пророчеств, и как утверждение самодостаточности гуманизма. Точка в официальном «петербургском периоде» русской культуры совпала с переносом столицы в Москву. Вполне понятно, что для покинувших Россию смена режима,

loss of functions of the capital and of the name itself were similar to the death of Petersburg. But semi-disgraced Petersburg remained a cultural quantity at least because world-known artists, musicians and poets lived, created and died here.
When a real catastrophe broke out it's spectre lost it's frightening attractiveness and another apparition appeared above the ruins of empire – it was an image of unrealizable freedom. It inspired the vanguard artists – the creators of unprecedented paintings and futurists who in the twinkling of an eye found themselves in the predicted by them future.

The founder of Suprematism Kazimir Malevich spent his life in travels and journeys sometimes forced. He worked in Vitebsk and Moscow and presented his paintings in Germany. But the school of Malevich appeared in Leningrad when the early communist liberation was nearing it's end. Here he had an official job: in 1922 he taught drawing in the architectural department of Petrograd Institute of Civil Engineering and in 1923 was appointed the president of Institute of Modern Arts which existed for three years.
In 1932 having returned from jail Malevich became the director of experimental artistic laboratory in Russian Museum. He died in 1935 and was buried in a Suprematist coffin executed by Nikolai Suetin who later worked as an artist at the Leningrad porcelain plant.
Another genius of avant garde Pavel Filonov gave tribute to symbolism and futurism, was intimate with Velemir Khlebnikov and composed verses. His family moved to Petersburg in the end of the XIXth century and he spent most of his life in this city. Having returned from front in 1918 he organized the local Institute of artistic culture where he headed the department of general ideology. He organized exhibitions of modern artists,

Бледнеет летний день...
Над пышною Невою,
Вдоль строгой линии
гранитных берегов
Еще освещены янтарною
зарею
Немые мраморы
покинутых дворцов.
Но уж сады полны
прохладой и тенями,
И к зыбкой пристани,
по синей глади вод,
Как сказочный дракон,
сверкающий глазами,
С огнями вдоль бортов
причалил пароход.

Семен Надсон, 1885

Александр Блок
Alexander Blok

Казимир Малевич
Kazimir Malevich

утрата столичных функций и потеря имени были подобны смерти Петербурга. Но на самом деле полуопальный Ленинград оставался культурной величиной хотя бы потому, что здесь жили, творили и умирали всемирно значительные художники, музыканты и поэты.

Когда разразилась реальная катастрофа, ее призрак утратил пугающую привлекательность, и над руинами империи замаячило другое видение – лик несбыточной свободы. Он и вдохновлял авангардистов – творцов небывалой живописи и футуристов, в одночасье очутившихся в предсказанном ими будущем.

Первооткрыватель супрематизма Казимир Малевич провел жизнь в странствиях и переездах, часто вынужденных. Свои картины он писал в Витебске и Москве, а экспонировал в Германии. Но школа Малевича появилась в Ленинграде на самом излете раннекоммунистического раскрепощения. Здесь у него была официальная работа: в 1922 году живописец преподавал рисунок на архитектурном отделении Петроградского института гражданских инженеров, а годом позже был назначен директором Института исследований культуры современного искусства, который просуществовал 3 года.

Уже после тюрьмы, в 1932 году, Малевич стал руководителем экспериментальной лаборатории искусства при Русском музее. Через три года его похоронили в супрематическом гробу, выполненном по авторскому эскизу Николаем Суетиным, который впоследствии работал художником на Ленинградском фарфоровом заводе.

Другой гений авангардной живописи, Павел Филонов отдал дань символизму и футуризму, был близко знаком с Велемиром Хлебниковым и даже писал стихи. Семья Филонова переехала в Петербург еще в конце позапрошлого века, а сам он провел в менявшем названия городе большую часть жизни. По возвращении с

taught his methods at the restored Academy of Fine Arts, in 1925 opened the Collective Masters of Analytical Art (known as the Filonov school), and also made sets for stage productions.

He was a social utopian too sincere to be in good terms with Soviet power. His paintings were not exhibited and in 1941 he died of starvation in the first months of the Blockade.

The creativity of Malevich, Filonov and Khlebnikov practically is not linked with Petrograd, but their artistic world was formed under the influence of Petersburg culture. Moreover even Mark Shagal who did not manage to receive education on the banks of Neva was regarded as a citizen of Petersburg in his native Vitebsk: prerevolutionary artistic world fell into abyss but the circles reached Paris.

The representatives of avant garde embodied cultural non-conformity which was impossible under Stalinism and which provoked the splash of ironic art being the only means of self-realization and self-defence.

The son of floor-polisher who joined «Narodnaya Volya» (People's Freedom) born in Petersburg Daniel Kharms (Yuvachev) became it's herald in poetry. In 1928 he organized the Association for Real Art (Oberiu). Kharms' fantastic verses and «hooligan» prose breathed unbecoming freedom that's why his works were published very rarely. Nevertheless he made a great progress in creativity of forms picking up the torch which fell from the hands of naive Khlebnikov. Kharms'' language is the most perfect of his creations which energetically nurtured several generations of literati surviving the author who died of starvation in prison hospital.

Another outstanding Leningrad languagemaker Mikhail Zoshchenko was a member of literary group called the Serapion Brothers which the scientist of culture Victor

фронта в 1918 году художник инициировал организацию местного Института художественной культуры в котором с 1923 руководил отделом общей идеологии.
По убеждениям он был социальным утопистом, слишком искренним, чтобы поладить с советской властью, практически не выставлялся и ушел из жизни в 1941 году нищим и невостребованным.
Творчество Малевича, Филонова и Хлебникова тематически почти не связано с Петроградом, но их художественный мир складывался в контексте петербургской культуры. Более того, по свидетельствам современников, даже Марк Шагал, которому не удалось получить в городе на Неве художественное образование, в родном Витебске считался петербуржцем – дореволюционный художественный мир рухнул в бездну, но круги разошлись до самого Парижа.
Авангардисты олицетворяли культурный нонконформизм, немыслимый при сталинизме, провоцирующем всплеск иронического искусства как почти единственно возможного средства самовыражения и самозащиты.
В поэзии его глашатаем стал Даниил Хармс (Ювачев), коренной петербуржец, сын полотера, примкнувшего к народовольцам. В 1928 году он организовал «Объединение реального искусства», или ОБЭРИУ. Фантасмагорические стихи и «хулиганская» проза Хармса дышали неприличной свободой, и печатался он закономерно мало. Тем не менее он далеко продвинулся в формотворчестве, подхватив факел, выпавший из рук наивного Хлебникова. Язык Хармса – самое совершенное его произведение, он энергетически подпитывал несколько поколений литераторов, переживших автора, который умер от голода в тюремной больнице.
Другой выдающийся ленинградский языкотворец, Михаил Зощенко, входил в литературную группу «Серапионовы

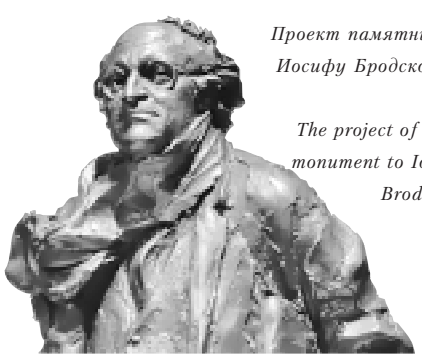
Михаил Зощенко
Mikhail Zoshchenko

братья», которую культуролог Виктор Шкловский связывал с творчеством Николая Лескова и Андрея Белого. В своих рассказах писатель соединил трагическое косноязычие с ситуативным юмором, представляя окружающий героев советский мир как отражение их собственных несовершенств, усиленное социальным абсурдом. После войны Зощенко был ошельмован вместе с Анной Ахматовой, представлявшей совсем иную, героическую литературную линию.

Талант Анны Ахматовой не подвергался сомнению и в Петербурге, но именно в Ленинграде ей было суждено стать властительницей дум, великим поэтом и настоящей царицей культурного пространства. Ей пришлось разделить судьбу многих ленинградских женщин – первый муж Ахматовой, поэт Николай Гумилев был, обвинен в контрреволюционном заговоре и расстрелян, а сын провел десятилетия в заточении. Неопубликованная при жизни «Поэма без героя» – манифест непреходящей ценности человека и города, трагическая ретроспектива, раз и навсегда снимающая вопрос о культурной преемственности. Само сознание, что в городе живет Анна Ахматова, оказывало реальное влияние на менталитет ленинградцев. На склоне лет именно она оценила Иосифа Бродского, которому предстояло стать последним великим певцом Ленинграда.

Николай Гумилев,
Лев Гумилев,
Анна Ахматова

Nikolai Gumilyev,
Lev Gumilyev,
Anna Akhmatova



Проект памятника
Иосифу Бродскому

The project of the
monument to Iosif
Brodsky

Портрет Анны Ахматовой.
1922
The portrait
of Anna Akhmatova
1922

Shklovsky associated with the creativity of Nikolai Leskov and Andrei Bely. In his stories the writer united tragic tongue-tie with situational humour presenting the surrounding Soviet world as a reflection of the heroes' imperfections. After the war Zoshchenko was exposed to public dishonour together with Akhmatova who represented absolutely different heroic trend in literature.

Akhamota's talented was not doubted in Petersburg but precisely in Leningrad she was destined to become the ruler of men's minds, great poet and a real tsarina of cultural space. She shared the fate of many Leningrad women: her first husband the poet Nikolai Gumilyev was accused of the counter-revolutionary conspiracy and was shot, her son spent many years in prison. Published after Akhmatova's death «The Poem without Hero» is a manifesto of eternal value of man and city, a tragic retrospective for ever eliminating the question of cultural succession. The only fact of her existing in the city greatly influenced the mentality of Leningraders. In her late days precisely she estimated the talent of Joseph Brodsky who was destined to become the last great poet of Leningrad.

The satirically severe and simultaneously dramatic and original music of Petersburg native Dmitri Shostakovich became the sphere of intersection of Leningrad sarcasm and Leningrad heroism. Before the war the premieres of his ballet «Golden Age», his condemned opera «Lady MacBeth of the Mtsensk District» and his met with ovations Fifth Symphony were held in Leningrad.

The Seventh Symphony was played by dying from starvation musicians and became

Областью пересечения ленинградского сарказма и ленинградского героизма стала музыка коренного петербуржца Дмитрия Шостаковича, сатирически жесткая и одновременно пафосная, оригинальная и вместе с тем полная реминисценций. В довоенном Ленинграде состоялись премьеры его балета «Золотой век», впавшей в немилость оперы «Леди Макбет Мценского уезда» и принятой на ура Пятой симфонии.

Седьмая симфония была впервые исполнена в блокадном городе умиравшими от голода музыкантами и стала самым известным произведением композитора как в России, так и за ее пределами. Послевоенные симфонические произведения Шостаковича советская критика воспринимала без энтузиазма. А на Западе его симфонии и по сей день пытаются делить на прогрессивные и просоветские, что, безусловно, слишком поверхностно и не слишком музыкально.

Правда заключается в том, что жители города в подавляющем большинстве не делили свою культуру на официальную и подпольную, петербургскую и ленинградскую. Для них главным критерием оставалось качество, интуитивно связанное с артистической природой города. Ленинградские балетоманы наслаждались обласканным властью балетом Мариинского театра, любители литературы читали в списках неизданные стихи Ахматовой и Хармса, а пребывавшие в глубоком андеграунде рокеры страницами цитировали декадентов и Хармса. Участь творцов петербургской культуры в конце концов оказалось намного трагичней, чем ее собственная судьба.

Дмитрий Шостакович
Dmitri Shostakovich

Но северный город –
как призрак туманный
Мы, люди, проходим,
как тени во сне.
Лишь ты сквозь века,
неизменный, венчанный,
С рукою простертой
летишь на коне.

Валерий Брюсов, 1906

the most famous creation of the composer in Russia and beyond it's borders. The symphonic works of the composer written in the post-war period were accepted by Soviet critics without enthusiasm. And on the West his symphonies up till now are divided into progressive and Soviet ones which is very superficial.

To the contrary the citizens never divided their culture into official and underground. Quality associated with the artistic nature of the city remained for them the main criterion. Leningrad ballet-goers admired performances of Mariinsky theatre approved by the powers that be, lovers of literature read unpublished verses by Akhmatova and Kharms, and underground rockers cited the verses of decadents. The fate of creators of Petersburg culture appeared to be much more tragic than the fate of culture itself.

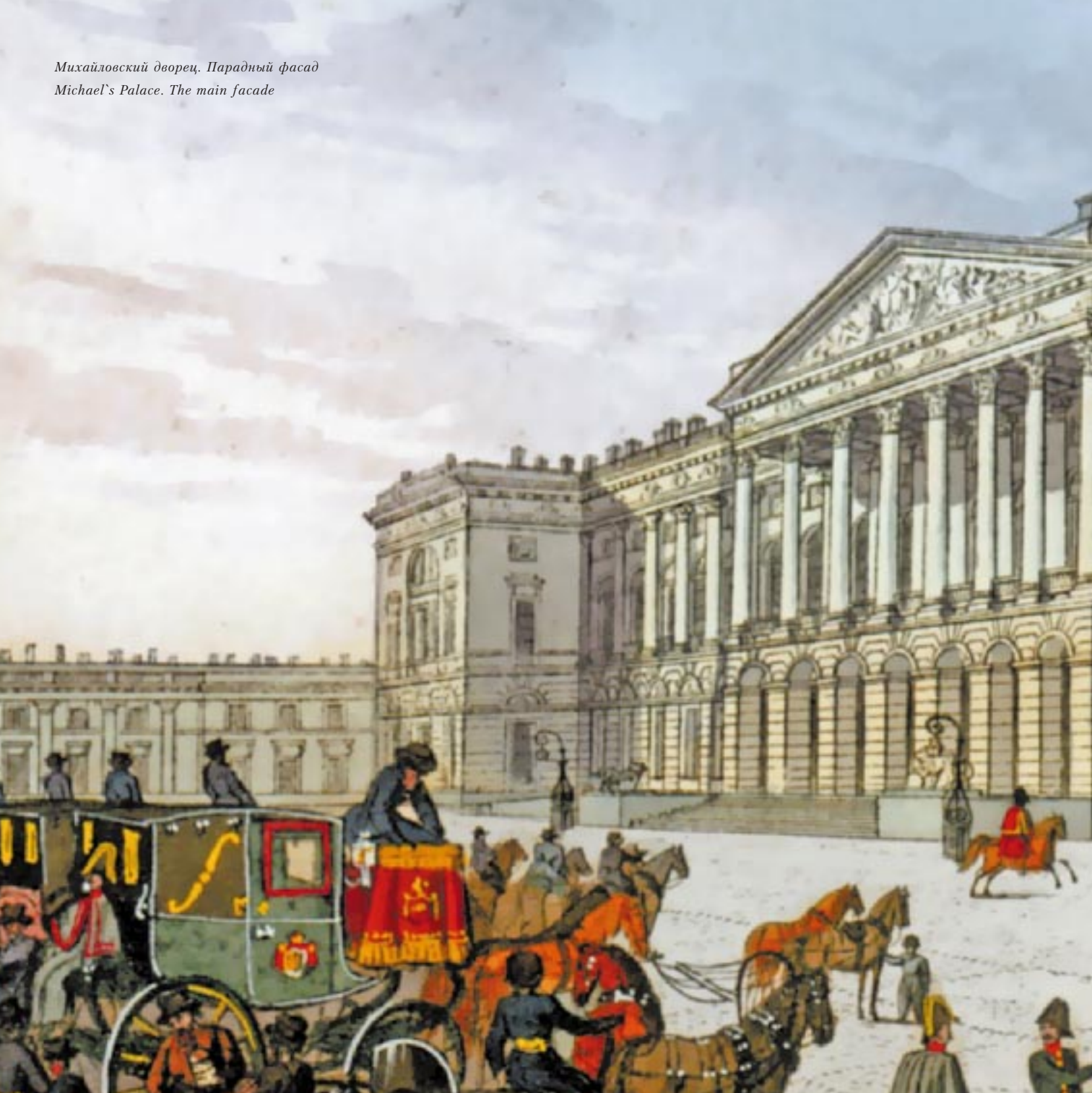
Статуи на крыше Зимнего дворца
The statues on the roof of the Winter Palace

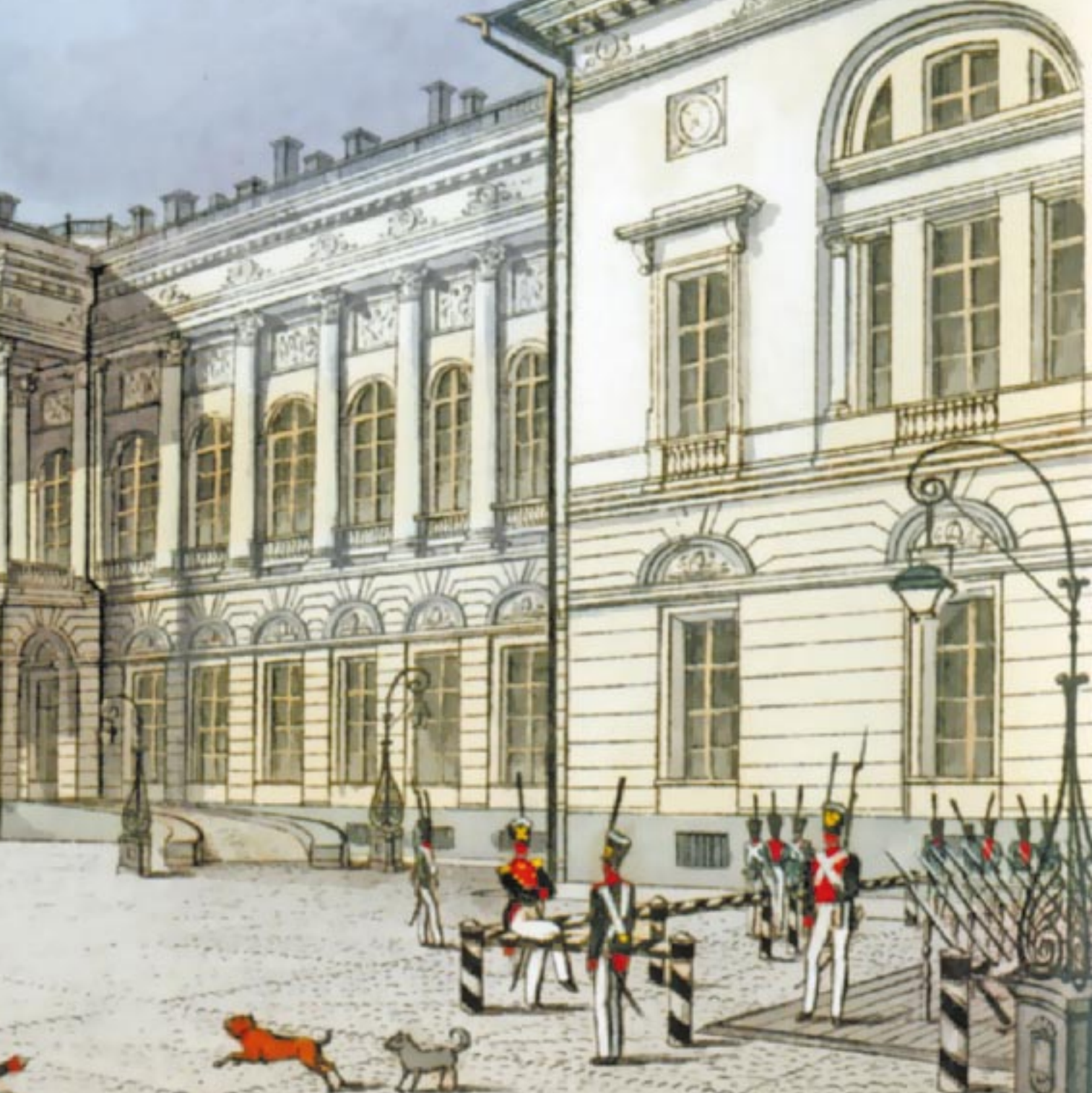
Академия художеств. Вид с Невы
The Academy of Arts. The view from Neva

Сфинкс на Неве перед Академией художеств. Sphinx on the Neva in front of from the Academy of Arts.

Исаакиевский собор. Мраморная статуя Диоскура. Saint Isaac's Cathedral. Marble statue of the Dioscurii.

Михайловский дворец. Парадный фасад
Michael`s Palace. The main facade





Зимний вид на стрелку Васильевского острова
и Кунсткамеру
The winter view to the Spit of Bazil Island
and the Chamber of Curiosities

Если смотреть с Троицкой площади на восток — панорама Невы завершается силуэтом Смольного института. Отделение Малой от Большой Невы со стороны Васильевского острова отмечено белоколонной биржей Томона, со стороны Петербургской стороны — Петропавловской крепостью. Непрерывная цепь старинных зданий делает красивый изгиб, соединяя биржу с грандиозной постройкой Делямота — Академией художеств. С этой стороны Нева замыкается колоннадой Горного института. Все эти здания оживают и раскрывают свою красоту, как части городского пейзажа.

Николай Анциферов
из книги «Душа Петербурга»

When you look to the east from Trinity square you see the panorama of Neva and the outline of Smolny cathedral. The division of Malaya and Bolshaya Nevas is marked by white-columned building of Thomon's Exchange on Vasilievsky Island and by Peter and Paul Fortress on the Petersburg Side. The unbroken chain of ancient buildings makes a beautiful curve linking the building of Exchange with the magnificent construction of Academy of Fine Arts designed by Delamothe. All these buildings come to life and present their beauty as the parts of city landscape.

Nikolai Antsyferov
«The Soul of Petersburg»

4

*петер*бург – открытый европейский город

*peters*burg as an opened european city

Петербург никогда не был культурным заповедником – он рождался и жил как современный город. И все же динамика времени не смогла растворить его изначальную сущность. Уникальная для Европы сохранность стала наградой за оригинальный градостроительный замысел, позволивший городу расти и развиваться. Но не только.

Сменявшие друг друга монархи из века в век стремились подчеркнуть связь с основателем города и своими венценосными предшественниками. Она подкрепляла их легитимность, иногда – спорную с точки зрения кровных уз, как у Екатерины II. Поэтому государственная машина, постоянно вмешиваясь в архитектурную судьбу Петербурга, оберегала и планировочные константы, и идеологически значимые здания, от Петропавловской крепости до Адмиралтейства.

Периодической перестройке и даже сносу подвергались преимущественно объекты, свободные от символического статуса, так что столица, следуя европейской моде, неизменно сохраняла свою узнаваемость. Кроме того, город с первых десятилетий своего существования предался самоосмыслению, и мощная культурная надстройка обвела магическим кругом его материальную структуру.

Это вовсе не означает, что петербургские твердыни и святыни могли бесконечно долго противостоять буржуазным искушениям. В начале прошлого века капиталистическая застройка активно вторгалась в город. Разумеется, в ту пору его границы выглядели иными: респектабельный, или, как сейчас принято говорить, «элитный», Петербург был локализован в Адмиралтейской и Литейной части, не простираясь далее Московского вокзала. Некоторые улицы, например Гороховая, утрачивали свою престижность по мере удаления от Адмиралтейства.

St. Petersburg never was a cultural reserve, it was founded and lived as a modern city. Nevertheless the dynamics of time could not dissolve hie original essence. The original city-building design which ensured the growth and development of the city was rewarded with the unique for Europe intactness.

Russian monarchs replacing each other tried to underline their link with the founder of the city and their crowned predecessors. It confirmed their legitimacy which sometimes was questionable from the point of consanguinity as in the case of Catherine II. That's why the state machine constantly interfered in the architectural fate of Petersburg defending designing constants and ideologically important buildings such as Peter and Paul fortress and Admiralty.

And only free from symbolical status buildings were periodically reconstructed and even destructed so that the capital according to European vogue unchangeably preserved it's identity. Besides from the first years of it's existence the city was engaged

Невский проспект. Вид из ресторана Лежен

Nevsky Avenue. The view from the Legen`s restaurant

Словом, для современников «зарастание» города доходными домами протекало не так уж болезненно: появление на главной городской магистрали огромных витринных окон, откровенно купеческого здания Елисеевского магазина и дерзкого офиса Зингера шокировало их гораздо сильнее.

Не было бы счастья, да несчастье помогло: разразившаяся революция и последовавший за ней перенос столицы в Москву в определенном смысле сыграли городу на руку. Переименованный в Ленинград, он сохранил в себе Петербург как градостроительное и концептуальное ядро.

С разгулом капитализма было покончено, и советская власть практически заморозила всякое строительство в историческом центре, предпочитая эксплуатировать созданное прежде. Впрочем, за краткий промежуток между государственным переворотом и бесповоротным сталинизмом на окраине появились замечательные ансамбли, спроектированные в духе «питерского урбанизма», отличавшегося от московского конструктивизма прежде всего комплексным подходом к материализации социальной утопии.
На первых порах для масштабной перестройки не хватало ресурсов, а позже сталинская империя занялась наведением мостов с российской историей. У прошлого были позаимствованы не только дворцы, превратившиеся большей частью в партийные офисы. Сильные нового мира переняли у своих предшественников взгляд на массовую застройку – ей надлежало развиваться в новых районах, в частности в Московском, которому отводилась роль «сталинского парадиза». В полном соответствии с традициями он возводился по плану, недовоплощенному из-за того, что началась мировая, а затем и отечественная война.

in self-determination and it's powerful superstructure drew a magic circle around it's material structure.

It does not mean that Petersburg strongholds and sanctuaries were invulnerable for bourgeois temptations. In the beginning of the previous century the bourgeois building invaded the city with such a strength that the government hardly could oppose it. But precisely at this time there was formed a conception according to which the intensive building had to be held on the outskirts beyond the limits of the centre. It goes without saying that the borders of the centre looked otherwise in those times: respectable Petersburg was localized in Admiralty and Liteiny side stretching as far as Moscow railway station. The streets parallel to Nevsky, for example Gorohovaya lost their prestige with the distance from Admiralty.

In other words the overgrowing of the city with rents was not too painful for the citizens. They were much more shocked by the appearance of enormous showcases of the bluntly merchant's building of Eliseev store and outrageous Zinger's office.
Fortunately a misfortune turned to be a luck: the outburst of revolution and the subsequent transition of the capital to Moscow were in a sense to Petersburg's advantage. Being renamed Leningrad it preserved Petersburg as a city-building and conceptual nucleus.

The raging capitalism was stopped and Soviet power practically froze all constructions in the historical centre preferring to exploit what was constructed earlier. Nevertheless in a short period of time between revolution and establishment of irrevocable stalinism the outstanding ensembles appeared in the outskirts of the city. They were designed in the spirit of «Petersburg urbanism» which differed from

Невский проспект и Садовая улица. Начало XX века
Nevsky Avenue and Sadovaya Street. The beginning of XX century

Настойчивость, с которой Адольф Гитлер пытался захватить нестоличный Ленинград, говорит о многом. С политической точки зрения он не был столь значим, как Москва, а с военной – как Сталинград. Но город на Неве оставался средоточием русской славы и наглядным свидетельством всемирной ценности российской культуры.

Его решили стереть с лица земли по идеологическим соображениям, и для его жителей длившаяся 900 дней блокада стала схваткой с абсолютным злом. Их главный подвиг – сохранение человечности, которую невозможно навязать никакими полицейскими мерами. Это был неосознанный и непостижимый в своей простоте ответ на кризис гуманизма, поразивший Европу с началом нацистской экспансии.

Во время войны оставшиеся за линией фронта дворцовые ансамбли подверглись разрушению и разграблению. Но в целом она оказалась не столько разрушительной, сколько человекоубийственной. Высотные доминанты были замаскированы, а знаковые здания пережили регулярные бомбежки, хотя и пострадали. Более того – устоял даже жилой фонд: старинные и просто старые дома проявили удивительную жизнестойкость, превращаясь в руины только в случаях прямого попадания, и то далеко не всегда. Поэтому и городской центр, и Петроградскую сторону, и Васильевский остров в послевоенный период не пришлось застраивать заново. Поврежденные здания просто ремонтировали, не меняя перекрытий, в которых и по сей день можно обнаружить наспех заделанные и прикрытые чистыми полами отверстия. А на месте развалин появились небольшие скверы.

В такой ситуации основные силы и средства бросили на восстановление архитектурных памятников – сформировалась

Moscow constructivism by it's complex approach to the materialization of social utopia.

At first there were no resources for the global reconstruction and then Stalin's empire began to throw a bridge to Russian empire. Not only palaces which were turned into Party offices were taken from the past. The powerful ones of the new world adopted from the predecessors their point of view on mass building which was going to be developed in new regions particularly in Moscow region which was destined to become Stalin's paradise. It was constructed according to the plan which was not realized because of the beginning of the World War and then Patriotic War.

The insistence with which Adolf Hitler tried to capture Leningrad speakes for itself. From political point of view it was not so important as Moscow and from strategic one not so significant as Stalingrad. But the city on the banks of Neva remained the focus of Russian glory and the obvious testimony of worldwide importance of Russian culture. It was decided to erase it for ideological reasons, and the 900-days siege became a fight with absolute evil for it's residents. Their main feat was a preservation of humanity which can't be imposed by police measures. It was an unconscious and unbelievably simple answer to the humanitarian crisis which affected Europe with the beginning of fascist expansion.

During the war the palace ensembles which remained behind the front were destructed and plundered. But it was not so destructive as inhuman. High dominants were camouflaged and main buildings although suffered survived regular bombardments. More over even residential sections survived: old and ancient buildings showed a surprising viability being ruined only with a direct hit.

Просыпаюсь
в полумраке.
В занесенное окно
Смуглым золотом
Исакий
Смотрит дивно
и темно.
Утро сумрачное снежно
Крест ушел в густую
мглу.
За окном уютно, нежно
Жмутся голуби
к стеклу.
Все мне радостно
и ново;
Запах кофе, люстры
свет,
Мех ковра, уют алькова
И сырой мороз газет.

Иван Бунин, 1915

петербургская школа научной реставрации. Она не могла опираться на развитые технологии, зато была сильна в исследовательской работе и вполне аутентично воссоздавала многочисленные утраты.

Вопреки политической воле разнообразных диктаторов, самый европейский город Советского Союза остался внешне и внутренне самобытным. Это особенно удивительно, если учесть, что коренное население Ленинграда постоянно разбавлялось и даже «чистилось»: после блокады многим жителям просто-напросто запретили возвращаться на свою родину. Возможно, город спасла его искусственная и исполненная искусства природа, которая в позапрошлом веке казалась уязвимой и хрупкой. Апокалиптические предчувствия петербургской интеллигенции оправдались лишь отчасти. Петербург действительно столкнулся с ужасными испытаниями, но выдержал их. Идеалистическое начало, реализованное в материальном поле, влияло даже на несчастных обитателей ленинградских подвалов, бесконечно далеких от философии, но очарованных городом. Идеалы оказались преходящими, но стремление к ним – сильным и стойким.

Впрочем, в 60-е годы подвалы освободились – началось массовое строительство, окончательно разделившее город на две неравные во всех отношениях зоны –историческую и «спальную».
Первая была вполне автономной: здесь сосредоточились все необходимые для полноценной жизни институты, от вокзалов до музеев. Вторая, занимавшая огромную территорию, существовала как придаток: жилые кварталы разбавлялись только минимально необходимыми школами, магазинами и кинотеатрами. Промышленные предприятия в новостройки выводились очень медленно.

That's why there was no need to reconstruct the centre of the city, Petrograd side and Vasilievsky Island after the war. The injured buildings were just repaired without changing of overlaps in which up till now the holes can be found covered by new floors. And small public gardens appeared on the place of the ruins.
In such a situation the main forces and resources were thrown to the restoration of architectural monuments and there appeared a Petersburg school of scientific restoration. It had no high technologies but was profound in scientific work and accurately reconstructed the multiple losses.

In defiance of the political will of various dictators the most European city of Soviet Union remained externally and internally original. It is especially surprising taking into account that the native residents of Leningrad were constantly diluted and purged, and many citizens were forbidden to return to the city after the siege.
May be the city was saved by it's artificial and full of artistic essence nature which seemed vulnerable and delicate two centuries ago. Apocalyptic foreboding of Petersburg intelligentsia proved to be correct only partly. Petersburg has really undergone a terrible crucible but the city survived. Idealistic principle realized in a material world influenced even miserable habitants of Leningrad basement-floors who did not know philosophy but were enchanted with the city. The ideals were temporal but the striving for them was eternal.

In 1960-ies the basement-floors were emptied. The mass building began which finally divided the city into historical centre and «sleeping» regions.
The first one was quite autonomous as all institutions (from the museums up to

Завязался узел, который предстояло разрубать следующим поколениям: все процессы замыкались на центр города.
При социализме транспортную и экологическую нагрузку на историческую среду пытались с переменным успехом регулировать. Однако для государства приоритет имели производственные показатели, и чаша весов неизменно склонялась на сторону крупных заводов и фабрик.

Таким образом, современному Петербургу досталось великое наследие и тяжелое наследство.
С одной стороны, он вступал в XXI век как энциклопедия европейской архитектуры и единственный мегаполис, в котором целые территории включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В этот перечень включены 36 комплексных объектов, объединяющих около 4000 памятников архитектуры, истории и культуры. А с другой – меры и факторы, обеспечившие его сохранность, явно исчерпали свой потенциал, и принятый в 1987 году генеральный план развития города не исполнялся по объективным причинам.
В результате 90-е годы стали самыми тяжелыми в новейшей петербургской истории.

Вместе с новым общественным устройством в город после долгой паузы вступила волна коммерческой застройки. Фактически в конце прошлого века он вновь столкнулся с до боли знакомой проблемой: сиюминутные интересы инвесторов стали угрожать целостности его исторического пространства.
К этому времени дома дореволюционной постройки физически износились. Их реконструкция сулила гораздо меньшие выгоды, чем новое строительство на пятне, освободившемся после пожара или обрушения здания. Центральные городские районы превратились в лакомый

railway stations) necessary for full life were concentrated here. The second covering a great territory existed as a supplement: residential quarters to minimal extent were diluted by schools, stores, and recreational facilities. The industrial complexes moved to the outskirts very slowly.
This knot had to be cut by future generations as all processes were concentrated in the centre of the city.
In socialist times the transport and ecological pressure on the centre was partially regulated. But the industrial successes were of priority to the state and the scale invariably was bending towards large plants and factories.

So modern Petersburg received a great inheritance and a hard legacy.
From one hand it entered the XXI century as an encyclopedia of European architecture and the only city in which whole regions are included in the list of Worldwide Cultural Heritage by UNESCO. This list includes 36 complexes which unite about 4000 monuments of architecture, history and culture. And from the other the measures and factors which guaranteed it's intactness exhausted their potential and the accepted in 1987 general plan of city development was realized for objective reasons.
As a result the 1990-ies became the most hard years in the new history of Petersburg.

A wave of commercial building entered the city with the new social order. In fact in the end of the last century the city again was confronted by a familiar problem: temporal interests of investors began to endanger the wholeness of it's historical space.
By this time the buildings constructed before revolution deteriorated. Their reconstruction was much less profitable than the new construction on the site vacated after fire or ruining of the building.

Счастливая особенность Петербурга заключается в том, что целые площади его построены по одному замыслу и представляют собою законченное художественное целое. Архитектура Петербурга требует широких пространств, далеких перспектив, плавных линий Невы и каналов, небесных просторов, туч, туманов и инея. И ясное небо, четкие очертания далей так же помогают нам понять архитектурную

кусок, вокруг которого, как шакалы, бродили коммерсанты, норовившие выхватить у города потенциально привлекательный участок. Чтобы не привлекать излишнего внимания к своей деятельности, они прибегали к стилизации, иногда вполне удачной, чаще – безобразной и в любом случае анахроничной.
Некогда самый прогрессивный российский город застыл. Казалось, у него нет сил для защиты прошлого и нет воли к будущему.

Справедливости ради следует отметить, что даже в период, когда старые стратегии утратили актуальность, а новые пути не наметились, Северная столица все равно пострадала меньше понесшей невосполнимые утраты Москвы. Возможно, потому, что напор денежных потоков был слабее. Возможно, оттого, что анархическое вторжение в ясную концепцию города не могло остаться незамеченным.
Тем не менее обозначился реальный риск деградации, и начало третьего тысячелетия стало для города очередным переломным моментом.

Вовремя подоспевший юбилей позволил продемонстрировать мировому сообществу потенциал города и одновременно приступить к его корректному обновлению. Трехсотлетие – первая за столетие и, безусловно, весьма удачная презентация Петербурга. Ее важнейший внутренний итог – четкое осознание того, что сохранение города тесно сплетено с его устойчивым развитием: сугубо охранительные меры не в состоянии защитить от деградации культуру, рожденную многовековым творчеством.
Поэтому сегодня речь идет о целостной концепции сохранения и роста, способной объединить все слои общества и вобрать в себя все критерии процветания, от инвестиционных до экологических.

красоту строений Петербурга, как и туманы в хмурые, ненастные дни. Здесь воздвигались не отдельные здания с их самодовлеющей красотой, а строились целые архитектурные пейзажи.

Николай Анциферов из книги «Душа Петербурга»

Central regions turned into titbit around which businessmen were roaming like jackals striving to snatch potentially attractive lots. Trying not to attract unnecessary attention to their activity they used stylization. Sometimes it was a successful one but more often it was ugly and anyway anachronistic.
The most progressive city collapsed as if it could not defend the past and had no will for future.

To be fair it should be noted that even in the period when old strategies lost their actualite and new ways were not yet found the northern capital suffered less than Moscow which suffered irreparable losses. Perhaps it can be explained by a less pressure of financial flows or by the fact that anarchic invasion in the strict conception of the city could not remain unnoticed.
Nevertheless degradation endangered the city and the beginning of the third millennium became the next crucial period for the city.

Well-timed jubilee allowed to demonstrate city's potential and simultaneously to begin it's correct innovation. Three hundredth anniversary is the first for the century and surely quite successful presentation of St. Petersburg. It's main result is a clear understanding that the preservation of the city is closely linked with it's stable development. Purely preserving measures can't defend culture born by creativity of many generations from degradation.
That's why today we speak of integral conception of preserving and growth which can unite all social strata and include all criteria of prosperity from investment up to ecological ones.
Civilized city-building is summoned to become the field of consolidation: the new (officially twentieth) general plan of Petersburg development is going to become

Полем для консолидации призвано стать цивилизованное градостроительство: новый генеральный план развития Петербурга, двадцатый по официальному счету, задуман как документ общественного согласия. Петербург объявлен «открытым европейским городом», ориентированным на европейские стандарты среды обитания. При этом план включает в себя разработанную КГИОПом стратегию сохранения культурного и исторического наследия.

Согласно этой стратегии охраняемая структура объединяет исторически сложившееся ядро и окружающую город систему поселений. Разрывы между «Петроградом» и его традиционными сателлитами фиксируются с помощью системы ограничений.

Вместе с тем на территории Петербурга очерчены охранные зоны, в которых строительство должно четко регламентироваться. Степень ограничений зависит не только от ценности отдельных памятников, но и от влияния новостроек на исторический силуэт Петербурга, признанный культурным достоянием.

«Старый город» будет развиваться вдоль берегов Невы, а также в южном и юго-западном направлении, захватывая участки, освобожденные от промышленных предприятий. Кроме того, в документе учтены зеленые насаждения, которые нельзя ликвидировать, и предусмотрены новые охраняемые природные территории.

Важнейший шаг – заявленный во всеуслышание переход к многополюсному городу. Впервые в истории Петербурга обозначено намерение сломать тупиковую привычку к «спальным» районам, обрекающую их жителей на постоянные поездки в центр. Альтернативой станут новые центры притяжения, размещенные возле станций метро.

Словом, как декларация план обеспечивает сбалансированный рост, не травми-

a document of social consent. Petersburg is announced to be «an opened European city» oriented to European environmental standards. Simultaneously this plan includes the strategy of preserving of cultural and historic inheritance which was worked out by the Committee for State Control, Use and Preservation of Historical and Cultural Monuments.

According to this strategy the preserved structure unites the historically formed nucleus with the system of settlements surrounding the city. The gaps between «Petrograd» and its' traditional satellites are fixed with a system of limitations.

Besides the preserved zones are marked on the territory of Petersburg where construction is strictly regulated. The degree of limitations depends not only upon value of separate monuments but also upon the influence of the new projects on the historical silhouette of Petersburg which is recognized as a cultural treasure.

«The old city» will develop along the banks of Neva and in the south and south-western direction seizing the lots vacated by industrial enterprises. Besides the plan takes into account «green zones» which are forbidden to destroy and predisposes the creation of new preserved territories.

The announced transition to the multipolar city can be regarded as the most important step. For the first time in the history of Petersburg the dead-end custom of «sleeping» regions dooming their residents to constant trips to the centre will be broken. The new centres of attraction situated near underground stations will become an alternative.

In a word this plan guarantees the balanced growth which won't traumatize the formed city tissue. But for it's realization progressive initiatives must forestall anarchy as it was in Peter's times.

The levelling of cultural environment is a

The happy peculiarity of St. Petersburg consists of that the whole squares were built according to one design presenting the completed artistic entity. Petersburg architecture demands wide spaces, far perspectives, flowing lines of Neva and canals, celestial spaciousness, clouds, mists and rime.

Clear sky and precisely outlined distance help us to understand the beauty of Petersburg buildings not less than the mists in gloomy cloudy days.

Not separate buildings with their spontaneous beauty but architectural landscapes were built here.

Nikolai Antsyferov
«The Soul of Petersburg»

Часы на колокольне Петропавловского собора

The clock on the bell tower of the Peter and_Paul Cathedral

рующий сложившуюся городскую ткань. Однако для его претворения в жизнь необходимо, чтобы прогрессивные инициативы опережали анархию – так же, как и в петровское время.

Специфическая и вместе с тем более глобальная проблема – выравнивание культурной среды. Она актуальна и для самых развитых европейских мегаполисов, в последние годы столкнувшихся с острыми социальными последствиями массового строительства. Для того чтобы ощущать себя полноправным жителем великого города, современному человеку явно недостаточно сознавать, что на расстоянии полутора часов езды находится Эрмитаж или Лувр. Ему нужно расти в постоянном соприкосновении с предметной культурой, не обязательно отсылающей к прошлому, но непременно –полноценной.
Нынешние новостройки такой возможности не дают. Они поражены визуальной бедностью, которую мы считаем допустимой платой за минимальный комфорт. Житель «настоящего» Петербурга, выйдя из дому, по крайней мере, может смотреть по сторонам. Обитатель вполне престижного Приморского района лишен такой возможности. Прогулки здесь тягостны, как хождение по шпалам, а доминанты случайны, как будто петербургского зодчества не было и в помине.
Конечно, напрямую управлять массовым архитектурным качеством невозможно. Зато можно использовать естественную связь «штучной» архитектуры и рядовой застройки. С этой точки зрения призывы заморозить всякое строительство в центральных районах отдают полной капитуляцией.

Не столь уж давняя история говорит о том, что элитарные здания задают тон, который проецируется на более дешевые. Застраи-

more specific and global problem. It is an urgent problem for all European large cities which lately run into acute social consequences of mass building. Modern men and women can't feel themselves full and equal residents of great cities only because they know that Hermitage or Louvre is situated at the distance of some kilometres. A human being must grow in a constant touch with material culture not necessarily ancient but certainly valuable.
Modern buildings do not give him/her such a possibility. They are visually poor and we consider it a proper payment for minimal convenience. The resident of «real» Petersburg at least can look around. The resident of quite prestigious Primorsky region is deprived of this opportunity. It's hard to walk there and dominants are casual as if there was no Petersburg architecture at all.
Surely the quality of mass architecture can't be directly regulated. In return there can be used a natural link between «piece-work» architecture and mass building. From this point of view the appeals demanding to «freeze» any construction in the centre of the city looks like capitulation.

Not very old history testifies that elite buildings set the fashion for cheaper ones. In the beginning of the last century investors constructing buildings on Petrograd Side furnished quite ordinary rents with beautiful facades in modern style: in such a way they looked more respectable and that's why were more expensive. The same is happening nowadays but the reference-points are very weak. Up till now only secondary buildings were constructed in the centre of the city, and nobody can count on harmony in the new regions.

Undoubtedly Petersburg architects feel the unique nature of the city. But they lack

вая Петроградскую сторону, инвесторы в начале прошлого века снабжали вполне заурядные доходные дома приличными фасадами в стиле модерн: так респектабельнее, а значит – дороже. Собственно говоря, тоже самое происходит и сегодня, только ориентиры слабые. Пока в центре города возводятся глубоко вторичные постройки, рассчитывать на гармонию в новых районах не приходится.

Петербургские зодчие, безусловно, отлично чувствуют уникальную природу города. Зато им несколько не достает творческой раскрепощенности и внутренней независимости. Европейские архитекторы, напротив, смелы, но далеки от петербургских традиций. И город, в котором впервые в новой России был организован международный архитектурный конкурс, постепенно приходит к пониманию собственной специфики. Ему предстоит привлекать к сотрудничеству европейских творцов, побуждая их рассматривать архитектуру в градостроительном ракурсе.
Тогда известное напряжение, с которым общество воспринимает новации, снизится, а удачные конкурсные произведения создадут благоприятную среду для самореализации местных проектировщиков. Архитектура была и остается каналом взаимного культурного обогащения. Исключительно важным для Петербурга, хотя далеко не единственным.

Мегаполис, который в свое время называли Северной Венецией и Северной Пальмирой, сейчас вполне оправдывает статус культурной столицы. Здесь вырос целый музейный мир, и экспозиционная насыщенность Петербурга связана не только с Эрмитажем и Русским музеем. Русские литераторы, от Пушкина и Достоевского до Анны Ахматовой, жили и творили на берегах Невы, часто – в буквальном смысле слова. Посвященные им

creative freedom and internal independence. European architects to the contrary are courageous but they are ignorant of Petersburg traditions. And the city where the first in new Russia international architectural competition was organized gradually comes to recognition of it's own originality. It is destined to invite for cooperation foreign masters and to make them regard architecture in the context of city-building.
In such a way a certain tension with which innovations are accepted by society will lessen and successful competitive creations will form the environment for self-realization of local designers. Architecture was and remains the source of mutual cultural enriching at least for Petersburg.

The city which was called «Northern Venice» and «Northern Palmira» fully justifies it's status of cultural capital. The whole museum world has grown here and expositional saturation of Petersburg is not limited by Hermitage or Russian Museum. Russian literati from Pushkin and Dostoevsky and up to Anna Akhmatova lived and wrote on the banks of Neva. Museums which are dedicated to them are interesting not only from cultural but also scientific point of view. The same can be said about Petersburg libraries. The famous Public library and book depositories of Petersburg universities possess rare editions and large collections which are available only in our city.
Private Petersburg galleries are still at the stage of formation but local fine arts were not subjected to total commercial influence as in Moscow and can propose paintings of high quality which is linked with two sources – fundamental school of realistic painting which was cultivated in the Academy of Arts and a school of Russian **vanguard** avangardizm which was created by Malevich, Filonov and their students

Самая, может быть, характерная градостроительная черта в облике Ленинграда — преобладание горизонталей над вертикалями. Горизонтали создают основу, на которой рисуются все остальные линии... Над двумя горизонтальными линиями — энергичной и абсолютно правильной линией стыка воды и суши и второй, менее резкой, верха набережных — возвышается более слабая, размытая полоса приставленных друг к другу домов,

созданных
по многократно
возобновлявшимся
требованиям строить
«не выше Зимнего».
Полоса стыка домов
и неба —
расплывающаяся,
но тем не менее
достаточно
определенно
выраженная в своей
горизонтальности,
словно противостоит
нижней линии, стыка
строений и воды.

Дмитрий Лихачев из статьи «Небесная линия» города на Неве»

музеи интересны и с точки зрения культурного туризма, и с точки зрения научного обмена. То же самое можно сказать и о петербургских библиотеках. Знаменитая Публичная библиотека и книжные хранилища петербургских вузов обладают раритетными изданиями и целыми коллекциями, доступными только в нашем городе.

Частные петербургские галереи пока пребывают в стадии становления, зато местное изобразительное искусство не подверглось, подобно московскому, тотальной коммерционализации и может предложить коллекционерам весьма качественную живопись. Она связана с двумя источниками. Первым служит фундаментальная школа реалистической живописи, которая культивировалась в Академии художеств, а вторым –школа русского авангарда, некогда сгенерированная Казимиром Малевичем и Павлом Филоновым, а также их учениками, такими, как прожившие здесь всю жизнь Николай Суетин и Владимир Стерлигов.

Музыкальная жизнь Петербурга столь разнообразна, что петербуржцы несколько иронически относятся к балетной славе своего города. И действительно, хотя Мариинский театр превратился в мировой бренд, уровень филармонической музыки и разнообразие проводимых в городе музыкальных фестивалей создают реальное равновесие для его жителей. К сожалению, оно еще не вполне оценено путешественниками из Европы, хотя европейские гастролеры с радостью выступают перед искушенной и благожелательной петербургской публикой.

Драматическое искусство Петербурга европейцы знают преимущественно благодаря театру под руководством Додина, который так и называется «Театр Европы». Между тем в городе множество разнонаправленных и разнохарактерных театров, и поклонникам Мельпомены есть из чего

such as Suetin and Vladimir Sterligov who lived all their lives in Petersburg.

Musical life of Petersburg is so rich and diverse that ballet glory causes an ironic attitude. And really although Mariinsky theatre turned into worldwide brand the level of philharmonic music and the diversity of musical festivals held in the city create certain balance for the citizens. Unfortunately it is not appreciated to full extent by European musicians although they gladly perform in front of experienced and benevolent Petersburg public.

Europeans know Petersburg dramatic art mainly thanks to the theatre of Lev Dodin which is appropriately called «Theatre of Europe». Meanwhile there is a lot of various theatres in the city and the worshippers of Melpomene have a choice: classical Russian dramas and experimental plays are performed on Petersburg stages.

It is difficult to divide Petersburg space on mass and refined culture. Opera and ballet performances, visiting of Hermitage and suburban ensembles are included in each tourist program giving the people access to high culture. At the same time Petersburg is ready to become the cultural Mecca for humanitarians who can find here many phenomena, processes and documents worth studying and considering.

The positive modern dynamics of cultural capital assumes multivarious contacts with European community. Petersburg which is well-known as a museum in the open and a Fatherland one of the best musical theatres in Europe can propose not only interesting tourist routes.

Our city is the largest educational centre, a laboratory of fundamental science and at the same time it is one of the main transport junctions. It's intellectual resources, specific geopolitical position and cultural value create the necessary prerequisites for effective cooperation on all levels.

выбирать – на питерских подмостках параллельно идут классические русские драмы и экспериментальные постановки. Петербургское пространство сложно разделить на область массовой и утонченной культуры. Оперные и балетные спектакли, знакомство с Эрмитажем и посещение пригородных ансамблей входят в джентльменский набор любого туриста, приобщая его к высоким ценностям. Вместе с тем Петербург готов стать Меккой для специалистов-гуманитариев, которые обнаружат здесь множество явлений, процессов и документов, достойных изучения и осмысления.

Положительная динамика современной жизни культурной столицы предполагает многовариантные контакты с европейским сообществом, от инвестиционных до научных. Петербург, хорошо известный на Западе как музей под открытым небом и родина одного из лучших в Ев-

Petersburg getting rid of the functions of the capital became free from the burden of unnecessary officialism but did not lost it's cultural influence on the country. That's why it is an ideal «interpreter» from «European» to Russian and vice versa. The authority of Petersburg science, art and education is based on the real achievements and does not depend upon political situation. Nevertheless nowadays it favours the development of the city which strives to regain the role of the cultural leader and to become the main link between Russia and Europe.

For two hundred years St. Petersburg was opened to Europeans and was developing in the context of European civilization. And there is no reason today to deny this tradition. Presenting to the world it's treasures it must accumulate European achievements rather than run after Europe.

May be the most characteristic city-building feature of Leningrad is the pre-eminence of horizontal lines over vertical ones. Horizontal lines make the basis on which all other lines are drawn...
Above two horizontal lines – energetic and absolutely correct line of ground and water junction and another less sharp line of

embankments – there heightens a weaker and less distinctive line of houses erected according to the rule «not higher than Winter palace». The line of junction of buildings with the sky is dim but nevertheless it's horizontality is definitely marked as if it counterpoises the lower line of junction of buildings and water.

Dmitry Likhachev
«Celestial line of the city on the banks of Neva»

ропе музыкальных театров, готов предложить миру не только интересные туристические маршруты.
Наш город – крупнейший образовательный центр, лаборатория фундаментальной науки и одновременно – мощный транспортный узел. Его интеллектуальные ресурсы, особое геополитическое положение и общекультурная ценность создают предпосылки для эффективного сотрудничества на любом уровне.

Квадрига над аркой Главного штаба

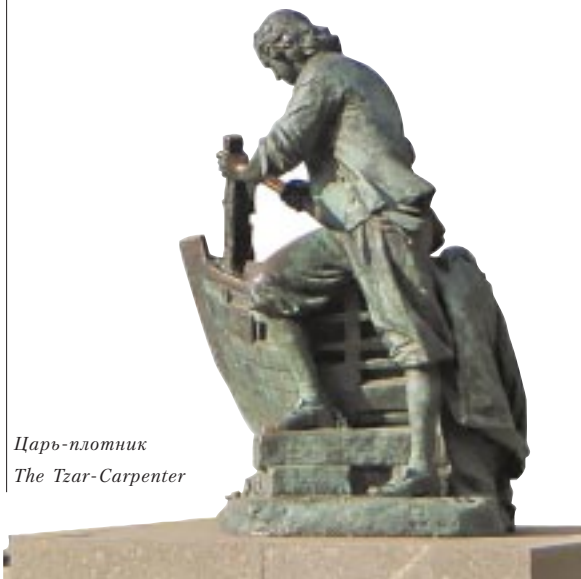
The Chariot above the Arch of the General Staff building

Свободный от столичных функций Петербург, хотя и избавился от груза излишней официозности, не лишился своего культурного влияния на страну. Поэтому он является идеальным переводчиком с «европейского» на русский и наоборот. Авторитет петербургской науки, искусства и образования построен на реальных достижениях и практически не зависит от политической конъюнктуры. Тем не менее сейчас она благоприятствует развитию города, стремящегося вернуть себе роль культурного лидера и снова стать основным связующим звеном между Россией и Европой.

Петербург на протяжении двух столетий был открыт европейцам и созидался в контексте европейской цивилизации. И теперь ему не стоит отказываться от этой традиции. Раскрывая миру свои сокровища, он может и должен не столько догонять Европу, сколько аккумулировать ее достижения и обмениваться с ней опытом.

Дворцовая площадь. Современный вид ➔

The Palace Square. The modern view



Царь-плотник

The Tzar-Carpenter

Скульптурная композиция «Амур и Психея» в Летнем саду

Sculptural composition «Amur and Psyche» in the Summer Garden

Вид с Банковского моста
The view from the Bank bridge

Фонтанка и Мойка у Летнего сада
The Fontanka and Moyka river near the Summer Garden

Дворцовый мост. Ночная панорама
The Palace bridge. The night panorama

Вид с Пантелеймоновского моста
у Летнего сада
The view from Pantelejmon`s bridge
near the Summer Garden

Все флаги будут в гости к нам...

Ships of all flags will come to us ...

Театрализованное представление в Нижнем парке Петергофа

The dramatized performance in the Lower Park of Peterhoff

Биржа и Гостиный двор.
Третья четверть XVIII века

The Exchange and Merchant`s Arcade.
The third quarter of the XVIII century

Петергоф. Нижний парк
Peterhoff. Lower Park

Царское село. Екатерининский дворец
Tsarskoe Selo. The Catherine Palace

Общая библиография

Агнивцев Н. Блистательный Санкт-Петербург. – Берлин: издательство Ладыженского, 1923.

Анциферов Н. Быль и миф Петербурга. – М.: Книга, 1991.

Белый Андрей. Петербург. – СПб.: Азбука, 2000.

Бенуа А. Н. Мои воспоминания. В двух томах. – М.: Наука, 1980.

Борисова Е. А., Стернин Г. Ю. Русский модерн. – М.: Галарт, 1994

Грабарь И. Э. Петербургская архитектура в XVIII-XIX веках – СПб.: Лениздат, 1994.

Зодчие Санкт-Петербурга. В 3 томах. – СПб., 1997—2000.

Кириков Б. М. Архитектурные памятники Санкт-Петербурга. – СПб.: издательство «Коло», 2005.

Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Петербург немецких архитекторов от барокко до авангарда. СПб.: Чистый лист. 2002.

Курбатов В. Я. Петербург. – СПб.: Лениздат, 1993.

Лисовский В. Г. Архитектура Петербурга. Три века истории. – СПб, 2004.

Лукомский Г.К. Старый Петербург. Современный Петербург. В 2-х книгах. – СПб.: издательство «Коло», 2003

Пунин А. Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. – Ленинград: Лениздат, 1990.

Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии. Антология. – СПБ.: Лимбус Пресс, 1999.

Тихвинская Л. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века. 1908—1917гг. – М.: Молодая гвардия, 2005.

William Craft Brumfield. A History of Russian Architecture. – Washington: University of Washington Press, 2004

William Craft Brumfield. The Origins of Modernism in Russian Architecture. – Berkeley: University of California Press, 1992.

Boris Kirikov. Guide de l' architecture à St. Petersbourg – Canal, 1998

Издание «Петербургский проект»
подготовлено
Комитетом по государственному контролю,
использованию и охране памятников истории
и культуры специально
к Дням европейского наследия

Председатель Комитета: В. А. Дементьева

Организационная группа:
В. А. Дементьева, Б. М. Кириков,
Н. С. Черкесова, Л. В. Афонина
Автор текста: Н. А. Шустрова
Редактор: М. С. Кузьмин
Дизайн и верстка: И. Г. Архипов
Перевод: М. М. Ланина
Фото: Д. В. Медведев, И. А. Попова,
А. В. Сладков

Информационная поддержка:
ИА «Росбалт»,
газета «Петербургский Час пик»

Благодарим
Государственный Эрмитаж,
Государственный Русский музей,
Государственный музей истории
Санкт-Петербурга
за помощь в подготовке
иллюстративных материалов

© Комитет по государственному контролю,
использованию и охране памятников
истории и культуры
© Коллектив авторов (тексты, фото)